

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ДЖИММ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ВЕДЬМИН ЧАС

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

McGRATH

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

Архивы Дрездена: Ведьмин час

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: Ведьмин час / Д. Батчер — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-24867-0

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... Нет, это невероятно! Вроде бы все готовы мирно разрешить разногласия и подтвердить свое участие в Неписаном договоре – и старейшины Белого Совета, и Белая Коллегия вампиров, и свартальвы, и вурдалаки, и даже некоронованный подпольный король Чикаго «джентльмен» Джонни Марконе – и вдруг... В замок, где назначена встреча всех участников намеченной встречи, прибывает последняя из титанов, Этне, владелица самого сокрушительного оружия, которое есть на свете, и объявляет: «Если до ведьмина часа каждый из здесь присутствующих не сделает выбор: отринуть смертный мир или стореть вместе с ним, – то мир смертных будет разрушен». Гарри Дрезден! Слышишь? Сделай хоть что-нибудь!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-24867-0

© Батчер Д., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	54
Глава 10	57
Глава 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джим Батчер

Архивы Дрездена. Ведьмин час

Jim Butcher
PEACE TALKS

Copyright © 2020 by Jim Butcher Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© А. С. Полошак, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ
ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ
МОГИЛА В ПОДАРОК
ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ
ЛИКИ СМЕРТИ
КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ
БАРАБАНЫ ЗОМБИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ
МАЛЕНЬКОЕ ОДОЛЖЕНИЕ
ПРОДАЖНАЯ ШКУРА
ПЕРЕМНЫ
АДСКАЯ РАБОТЕНКА
ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА
ХОЛОДНЫЕ ДНИ
ГРЯЗНАЯ ИГРА
ПРАВИЛА ЧАРОДЕЙСТВА
ВЕДЬМИН ЧАС

Глава 1

Пробежка была идеальной, пока брат не сказал, что Жюстина беременна.

Эта новость вытряхнула меня из зоны душевного комфорта, и я вдруг почувствовал жжение в ногах и понял, что дышится все труднее. Выбившись из ритма, я понемногу сбавил темп до прогулочной ходьбы. В предрассветной июльской синеве Монтроуз-Бич выглядел заброшенным и одичалым. Дневная жара еще не навалилась на город. Ради этого я и встал ни свет ни заря.

Томас тоже замедлил бег, и вскоре мы шагали бок о бок. Подобно мне, сегодня он надел старую футболку, тренировочные штаны и кеды, а темные волосы собрал в конский хвост. Брат у меня из тех красавчиков, при виде которых люди начинают озираться в поисках скрытой камеры.

А еще он вампир.

– Так, – сказал я. – Позволь-ка прояснить ситуацию. Утром ты заехал за мной, мы приехали к озеру, пробежали шесть миль по песку, и никто не произнес ни слова. Во всем городе царит тишина. По-моему, мы даже машин по дороге не встретили.

– И что?

– Зачем ты взял и все испортил? – хмуро спросил я.

Томас дернул уголком рта:

– Ну прости, старик Хемингуэй, что я вклинился между тобой и морем.

Впечатленный такой поэтикой, я промышал что-то нечленораздельное. В любом случае мы уже закончили последний круг и почти вернулись к парковке. Я встал, повернулся к воде, сделал глубокий вдох и сердито поправил давивший на плечо жилет-утяжелитель.

Темно-синее небо вдали над озером понемногу светлело. Скоро встанет солнце.

– Уверен? – спросил я.

– Абсолютно.

Я покосился на него. Образцово-симметричное лицо Томаса выглядело донельзя напряженным. Его глаза, иной раз голубые, но обычно серые, приобрели задумчиво-серебристый оттенок. Знакомая картина. Это давал о себе знать Голод.

– Как это получилось? – спросил я.

Он взглянул на меня, не поворачивая головы, и приподнял брови.

– Тебе что, не рассказывали, как это получается?

Я поморщился.

– Я имею в виду, разве ты не предохранялся?

– Предохранялся, – ответил Томас. – Кроме того, мы, вампиры, почти бесплодны. Но, как бы то ни было, Жюстина забеременела.

– И что теперь?

– Что и всегда. Вот только следующие семь с половиной месяцев Голод ребенка будет непрерывно высасывать из нее жизненную энергию.

– Это опасно? – Я внимательно посмотрел на Томаса.

Тот нервно сглотнул:

– Если верить семейной статистике, чуть больше половины беременных умирают родами или вскоре после них.

– Адские погремушки... – пробормотал я и уставился на воду.

Синева постепенно сменилась голубизной, а затем первыми проблесками золота. Вокруг пробуждался Чикаго. Гул на автострадах помаленьку усиливался, а птицы в заповеднике за пляжем затянули утреннюю распевку.

– Даже не знаю, что делать, – признался Томас. – Если потеряю ее...

Он умолк, поскольку продолжать не было необходимости. В этой недосказанности заключалась вселенская боль.

– Справишься, – пообещал я. – К тому же я помогу.

– Ты? – На мгновение его профиль озарила легкая улыбка.

– Смею напомнить, что я уже почти два месяца работаю папой на полную ставку. И Мэгги жива-здорова. Отсюда следует, что у меня невероятно развиты родительские навыки.

– Точно. Но... – Улыбка померкла. – Гарри...

– Не загоняйся. – Я положил руку ему на плечо. – Незачем выдумывать себе неприятности. Кругом великое множество реальных проблем, и они сами тебя найдут. Без нашей заботы Жюстине не обойтись. Поэтому сделаем все, что придется.

Пару секунд он молча смотрел на меня, а затем ответил единственным кивком.

– Ты, главное, про себя не забывай, – продолжил я. – На тот случай, если понадобится твоя помощь.

– Я в норме, – отмахнулся он.

– По виду не скажешь.

Он судорожно дернул головой и прожег меня свирепым взглядом. Его лицо изменилось, да и сам он стал похож не на человека, а на памятник, высеченный из мрамора. Мрамора, пропитанного лютой злобой. У меня непроизвольно напряглись плечи – ведь я знал, что рядом стоит весьма опасное существо.

Взгляд у него, повторюсь, был свирепый, но направленный снизу вверх. Томас старше меня, но росту в нем примерно шесть футов, а у меня без дюйма семь. Обычно я, глядя на него, чувствую превосходство, но сегодня оно оказалось не таким доминирующим, поскольку мы находились на песчаном берегу и меня угораздило остановиться в ямке.

– Перестань, Гарри, – сказал он с прохладным спокойствием.

– А если не перестану? По уху мне заедешь?

Он сдвинул брови.

– Только не забудь, что теперь я Зимний Рыцарь, само воплощение капитана Уинтерса¹, – напомнил я, – поэтому, возможно, все закончится не так, как ты планируешь.

– Хватит уже, – презрительно усмехнулся он. – Я могу связать тебя по рукам и ногам. Твоими же кишками.

Я покосился на него и осторожно предупредил:

– Если не придешь в себя и не станешь похож на нормального человека, скоро выясним, кто прав.

Он нахмурился пуще прежнего, вконец помрачнел и хотел было ответить, но я незамедлительно продолжил:

– Нет. Только не начинай. Не вздумай уходить в штопор эмо-вампира с его подростковыми терзаниями. Это эгоистично, а отныне эгоизм тебе не к лицу.

Какое-то время он смотрел на меня – поначалу взбешенно, затем задумчиво и, наконец, с тревогой.

На берег накатывали волны.

– Теперь мне надо думать о семье, – сказал Томас.

– Как и всякому приличному человеку, – подтвердил я.

– И все изменится. – Его серые глаза смотрели куда-то вдаль, за озеро.

– Угу.

– Мне страшно, – признался он.

– Еще бы.

По языку тела я понял, что он расслабился и вдруг снова превратился в моего брата.

---

¹ *Капитан Уинтерс* – один из боссов видеоигры Payday 2. – Здесь и далее примечания переводчика.

– Прости, что я на взводе. Не люблю обсуждать с тобой... вампирские дела.

– Предпочитаешь делать вид, что мы обычные братья, – покивал я. – С обычными проблемами.

– А ты? Не предпочитаешь? – спросил он.

– Может быть. – Какое-то время я рассматривал свои кеды. – Но нельзя игнорировать реальность только потому, что она тебя не устраивает. Если надо, я силой приведу тебя в чувство. Хотя правильнее будет, если ты сам образумишься. Так честнее по отношению к окружающим.

– Пожалуй, – согласился он. – Есть у меня на уме один вариант... Короче, разберусь. Ну что, доволен?

– Я не твой отец, – примирительно заметил я, приняв защитную стойку: руки подняты, ладони повернуты к собеседнику. Затем пришла моя очередь хмуриться. – Кстати, не будет ли проблем с твоими родственниками по отцовской линии?

– А когда с ними не было проблем?

– Хех, – понимающе отозвался я.

Молчание затянулось. Над озером проступил первый темно-оранжевый обод, уже коснувшийся небоскребов у нас за спиной. По стенам из стекла и бетона неуклонно взбирался свет.

– Бывает, я сам себя ненавижу, – сказал Томас. – В смысле ненавижу, что я вампир.

– Может, настало время проработать этот вопрос? – спросил я. – Малыш будет брать с тебя пример, а ненависть – не совсем то, что ему нужно.

Брат сердито взглянул на меня:

– Какого черта? Когда ты успел стать психологом?

– Опыта посредством мудрость обрел я, – прокрипел я голосом Йоды², отчего в горле запершило так, что я согнулся пополам и долго кашлял, а когда распрямылся, Томас натянуто произнес:

– Гарри.

Я поднял глаза и увидел, что к нам приближается Карлос Рамирес, молодой человек среднего роста, но покрупнее, чем средний парень его возраста. Он набрал вес и стал похож на солидного взрослого мужчину, хотя почему-то я, встречаясь с ним, всегда ожидаю увидеть нескладного мальчишку слегка за двадцать. Его темные волосы стали еще длиннее, а смуглая от рождения кожа забронзовела от загара. Одетый в джинсы и майку под легкой ветровкой, он шел с трудом, хромя и опираясь на толстую трость, изрезанную знаками и символами. То был его волшебский посох. Рамирес – проверенный боец и надежный парень, которому не страшно доверить тыл; кроме того, я считаю его своим другом, а в Белом Совете таких людей раз-два и обчелся.

– Гарри, – сказал он, после чего настороженно кивнул Томасу. – Рейт.

– Давненько не виделись, – кивнул брат ему в ответ.

– Со времен Провала, – согласился Рамирес.

– Как спина, Карлос? – осведомился я.

– Теперь могу дождь предсказывать, – коротко усмехнулся он. – Какое-то время мне будет не до танцев. Но по треклятой каталке тосковать не стану.

Он поднял руку, и я стукнул кулаком о его кулак.

– Ты вроде был на побережье. А здесь какими судьбами?

– По делам Совета, – ответил он.

– Пойду, пожалуй, – взглянул на меня Томас.

---

² Йода – персонаж «Звездных Войн».

– Можешь остаться, – разрешил Рамирес. – Поутру эта информация станет общеизвестной. Но Маккой решил, что правильнее будет, если тебя, Гарри, введет в курс дела кто-то из знакомых.

Я хмыкнул и расстегнул этот чертов жилет-утяжелитель. Обычно от дел Белого Совета у меня голова кругом идет.

– Что на этот раз?

– Мирные переговоры, – сказал Рамирес.

Я изогнул бровь:

– Что, серьезно? С фоморами?³

С недавних пор в сверхъестественном мире сам черт ногу сломит. Некий псих умудрился стереть с лица земли всю Красную Коллегию вампиров, и образовавшийся вакуум нарушил многовековое равновесие власти. Что важнее всего, фоморы – подводный народ, о котором я за всю жизнь почти ничего не слышал, – решили, что пора мстить за свое давнее поражение и возвыситься, после чего стали отжимать территорию у других наций и сеять несчастья среди обычных людей, по большей части бедняков и мигрантов, до которых мало кому есть дело.

– Грядет собрание подписантов Неписаного договора, – подтвердил Рамирес, – где будут представлены основные силы. Встречи, разумеется, потребовали фоморы. Хотят урегулировать разногласия. Так что все пришлют своих делегатов.

Я присвистнул. Это будет нечто. Собрание влиятельных членов самых могущественных фракций сверхъестественного мира во времена высокой напряженности и вспыльчивых настроений? Жаль тот бедный городок, где состоится сей званый ужин. Вообще-то...

И тут у меня отвисла челюсть.

– Погоди-ка. Встреча пройдет здесь? В Чикаго?

– Ну да, – пожал плечами Рамирес. – Потому-то Маккой и прислал меня.

– В чьей же голове родилась такая дурацкая мысль? – спросил я.

– Это уже вторая причина, по которой меня прислал Маккой, – ухмыльнулся Рамирес. – Ваш местный барон – само гостеприимство.

– Марконе? – осведомился я.

Джентльмен Джонни Марконе, в прошлом барон-разбойник чикагской мафии, теперь именовался бароном Марконе и был единственным подписантом договора, имевшим чисто человеческую родословную. Такого положения он добился несколько лет назад и с тех пор заметно упрочил фундамент своей власти.

– Тот фокус, что он по весне провернул с Мэб... – поморщился я, но Рамирес только руками развел.

– Марконе загнал Никодимуса Архлеона в угол и забрал у него все, что было, не нарушив при этом ни одного из положений Неписаного договора. Кто бы что ни говорил, многие впечатлены его компетентностью.

– Угу, – мрачно сказал я. – Это Джонни умеет. Только не говори, что Совет выбрал меня эмиссаром.

– Что? Погоди, – оторопел Рамирес. – Господи! Конечно нет, Гарри. То есть... Нет. Просто «нет».

Томас прикрыл рот рукой и кашлянул. Я решил проигнорировать морщинки в углах его глаз. Рамирес тоже прочистил горло, а затем продолжил:

– Но ожидается, что при необходимости ты выступишь в роли посредника между Советом и Зимой, а также обеспечишь безопасность представителей Совета Старейшин. Все будет под защитой гостевых прав, но приведут собственных бойцов.

– Доверяй, но проверяй, – подытожил я.

---

³ Фоморы – в ирландской мифологии существа, олицетворяющие темные силы хаоса.

Наконец-то я снял жилет и с отвращением бросил его на песок. При падении утяжелитель издал чрезвычайно гулкий стук.

– Господи Иисусе, Гарри! – поднял брови Рамирес. – Сколько весит эта штуковина?

– Двести двадцать, – ответил я.

Рамирес покачал головой, пристально взглянул на меня и на мгновение задумался. Я научился распознавать это выражение на лицах: «Интересно, Гарри Дрезден – все тот же Гарри Дрезден или Королева Воздуха и Тьмы сделала его своим персональным монстром?»

В последнее время я часто вижу подобные гримасы. Иногда в зеркале.

Я снова уставился на кеды. Потом стал рассматривать песок; теперь, когда солнце подобралось к горизонту, было видно каждую песчинку. Наконец я спросил:

– Ты уверен, что Совет Старейшин планирует включить меня в список охранников?

– Информация из первых уст, – твердо кивнул Рамирес. – Я возглавляю охрану всего мероприятия, и мне разрешили собрать собственную команду. Так вот, я выбираю тебя. Хочу, чтобы ты присутствовал на встрече.

– Где ты сможешь за ним присмотреть, – пробурчал Томас.

Рамирес улыбнулся и склонил голову к плечу:

– Как вариант. Или я просто хочу полюбоваться очередным пожаром. – Он кивнул в мою сторону. – Гарри, будем на связи.

– Рад встрече, Лос, – кивнул я в ответ.

– Рейт, – повернулся к брату Карлос.

– Страж Рамирес, – отозвался тот.

Смуглый чародей, опираясь на трость, ухромал прочь – довольно-таки прытко, хотя и без особой грации.

– Ну-ну. – Томас задумчиво щурился ему вслед. – Похоже, мне и впрямь пора. Пока ситуация не усложнилась. А она непременно усложнится.

– Откуда такая уверенность? – спросил я. – Может, все премило отужинают, а по завершении трапезы обнимутся и споют «Кумбайя»⁴.

Он молча посмотрел на меня, и я в очередной раз опустил взгляд на кеды.

– Ну или не споют.

Он хмыкнул, хлопнул меня по плечу и, не сказав больше ни слова, отправился к машине. Я знал, что он меня дождетсЯ.

Когда Томас скрылся из вида, я поднял жилет-утяжелитель и выбрался из ямки в песке, после чего стал рассматривать, что это за ямка, а солнце, взошедшее теперь по-настоящему, любезно помогало мне в этом деле.

Я наконец-то понял, что довольно долго простоял в отпечатке ступни, похожей на человеческую.

Разве что след был больше трех футов длиной.

А еще я увидел перед собой целый ряд этих следов. Каждый последующий располагался в нескольких ярдах от предыдущего. Следы вели к воде, и прибрежный бриз уже начал ворошить песок, стирая их очертания.

Может, эти следы появились здесь по случайности.

Или не по случайности.

Я закинул жилет на плечо и побрел к машине, изводясь от предчувствия, что моя жизнь вот-вот пойдет кувырком. Снова.

---

⁴ «Кумбайя» – негритянский госпел. Обрел популярность в начале 60-х годов XX века благодаря певице Джоан Баэз. Традиционно исполняется в походе у костра.

Глава 2

Вдвоем с братом мы отправились ко мне на квартиру, чтобы позавтракать после пробежки.

Хорошо. Строго говоря, квартира не моя. Она принадлежит Молли. Но Молли тут почти не бывает, и поэтому в квартире живу я.

Посольство Свартальвхейма⁵ в Чикаго – миленькое здание в деловом районе, а если взглянуть на размеры прилегающего к нему газона и вспомнить, сколько стоит земля в черте города, то непременно разинешь рот от изумления. Дом выглядит так, словно в нем полно людей в строгих деловых костюмах и все эти люди заняты манипуляциями с деньгами и цифрами, невероятно сложными и не менее скучными, а оттого малопонятными широкой публике.

Что, кстати говоря, недалеко от истины.

В сторожке у подъезда – ее поставили в относительно недалеком прошлом – читал книгу самый обычный мужчина в самом обычном, но дорогом костюме и темных очках. Завидев нас, он оторвался от чтения. Мы остановились у оконца, и я сказал:

– Ночью вылетает пурпурный мустанг.

Охранник продолжал смотреть на меня.

– Э-э... Погоди-ка. – Я порылся в закоулках памяти. – Грустный вторник⁶ – не проблема для местных властей?

– Представьтесь, пожалуйста. – Человек в костюме не сводил с меня глаз.

– Ну хватит уже, Аустри! – взмолился я. – Неужели обязательно каждое утро заводить эту шарманку? Ты же знаешь, кто я такой. Черт возьми, вчера вечером мы целый час смотрели, как играют наши дети!

– Вчера вечером я не был на дежурстве. – Тон безучастный, взгляд совершенно пустой. – Представьтесь, пожалуйста.

– Хотя бы разок, – попросил я. – Ты же не умрешь, если мы хотя бы разок забудем о правилах безопасности?

Он еще немного побуравил меня пустым взглядом, а затем медленно опустил и поднял веки:

– Нельзя исключать, что умру. Эти правила написаны кровью.

Я бросил на него один из своих самых гневно-чародейских взглядов. Бесполезно. Поэтому я забурчал себе под нос нечто неопределенное – по большей части а-ля Йоземит Сэм⁷ – и стал рыться в спортивной сумке.

– Разрешите представиться: Гарри Дрезден, Рыцарь Зимы, вассал Молли Карпентер, Леди Зимы при дворе сидхе, под чьей защитой нахожусь здесь по праву гостя. А это Томас Рейт, тоже гость Молли и друг леди Эванны.

– Один из ее любовников, – педантично поправил меня Аустри и кивнул Томасу.

– Как житуха, Аустри? – спросил тот.

– Я на дежурстве, – мрачно ответил Аустри, раскрыл папку и стал перелистывать страницы с фотографиями в верхнем углу. На одной задержался, тщательно сверил изображение с моей физиономией, затем долистал до другой, изучил Томаса и кивнул. – Теперь пароль, пожалуйста.

---

⁵ *Свартальвхейм* – буквально: «Дом черных альвов», один из миров в германо-скандинавской мифологии, населен черными альвами (свартальвами), мифологическими полубожественными существами, имеющими много общего с дворфами.

⁶ *Грустный вторник* – синдром абстиненции в середине недели, характерный для употребляющих рекреационный наркотик МДМА.

⁷ *Йоземит Сэм* – персонаж американских мультфильмов, антагонист Багза Банни.

– Угу, секундочку. – Я наконец-то выудил из недр спортивной сумки сложенный листок с паролем на эту неделю. Развернул, стряхнул с него песок и прочитал: – «Все моя база принадлежит мне»⁸. Что это вообще значит?

Какое-то время Аустри разочарованно смотрел на меня, а затем со вздохом перевел взгляд на Томаса:

– А ваш?

– «Наш малютка-паучок вверх ползет на водосток»⁹, – мигом отчеканил Томас, не прибегая к помощи листка с подсказками. Потому что ему время некуда девать. Вот и зубрит всякие бессмысленные парольные фразочки.

Аустри одобрительно склонил голову, захлопнул папку и, положив ее на место, сказал «ожидайте, пожалуйста». Затем нажал на кнопку и еле-еле слышно прошептал какое-то слово. Насколько мне известно, это слово обезвреживает что-то около двух тысяч смертоносных магических ловушек между нами и входной дверью. Затем Аустри кивнул мне:

– Проезжайте.

– Благодарю вас, – ответил я.

Свартальв откинулся на спинку стула, слегка расслабился, и личина неприметного человека раскололась, поплыла и сделалась полупрозрачной. У Аустри была серая кожа, обтягивающая мускулы тренированного гимнаста, крупноватая – если сравнивать с телом – голова и невероятно большие черные глаза, как в ролике про вскрытие пришельца. Лицо, совсем недавно спрятанное за поверхностной иллюзией, лучилось спокойным дружелюбием.

– Моей Ингри хотелось бы снова поиграть с Мэгги и сэром Мышем.

– Мэгги тоже этого хотелось бы. Значит, переговорю с миссис Аустри?

– Эта сфера ответственности закреплена за ней, – подтвердил Аустри. – Вечером, как обычно, играем в карты?

– Я бы с радостью, но обещать не могу, – ответил я.

Он слегка помрачнел:

– Я предпочитаю заранее планировать вечерний досуг.

– Мне надо исполнить долг, – объяснил я.

Недовольство как ветром сдуло, и Аустри снова взял книгу:

– Это, разумеется, меняет дело. Прошу, дайте знать, когда у вас появится окно, свободное от исполнения долга.

Я торжественно кивнул и поехал к дому.

Аустри – свартальв до мозга костей. Мелочно-дотошный, неукоснительно соблюдающий всевозможные правила, нечеловечески дисциплинированный и безгранично преданный своим представлениям о долге и чести. Но в целом свартальвы – отличные ребята, если познакомиться с ними поближе. Как говорится, в мире всякому есть место – верно?

Мы прошли еще через два контрольно-пропускных пункта: один в вестибюле здания и другой у лифта, ведущего в обширный подземный комплекс посольства. Очередной свартальв-охранник внимательно изучил мои водительские права, а затем меня, после чего настоял на измерении моего роста и снятии отпечатков пальцев: мало ли, вдруг я – это не я, а самозванец под маской Гарри Дрездена.

Наверное, зря мне все это так не нравилось. Как ни крути, дополнительные КПП и впрямь добавляют безопасности, даже если время от времени ими злоупотребляют парни вроде этого Гедвига. Присущая свартальвам комбинация шепетильности и паранойи означала, что под этой

---

⁸ Отсылка к интернет-мему «All your base are belong to us», берущему начало в неверном переводе на английский язык текста японской видеоигры Zero Wing.

⁹ Первая строчка широко известного в англоязычных странах детского стишка, сопровождаемого жестами.

крышей моя дочь будет в целости и сохранности. Но это был один из дней, когда система довела меня до белого каления.

Не привлекая лишнего внимания, мы просочились ко мне в квартиру, где по-прежнему царили темнота и прохлада. Пару секунд я повосхищался чудом под названием «кондиционер в летнюю жару». Технология плохо уживается с магией, и энергетическая аура такого чародея, как я, играет злые шутки с подавляющим большинством устройств, разработанных после Второй мировой войны. Где бы я ни жил, кондиционер отказывал через два-три дня, но эту квартиру сконструировали специально для Молли. Здесь работало все – кондиционер, свет, радио, горячая вода, – и я понятия не имел, каким образом свартальвам это удалось. Неглупый народец и мастеровитый при этом. Говорят, если надо создать что-то заковыристое, свартальвы в лепешку расшибутся, но доведут дело до конца.

Наверное, стоит переговорить с Молли, чтобы она попросила телевизор. Или интернет... штуковину. Приспособление. Одну из этих интернет-вещиц. Раз уж все так любят интернет, в нем обязательно найдется что-нибудь интересное.

Ну да ладно. Когда мы наконец добрались до гостиной, подбежал Мистер – мой громадный серый кот – и, по обыкновению, ткнулся мне в ноги: дескать, добро пожаловать домой. Я нагнулся и почесал ему за ушами – так, как он любит, – и он воспринял эти почесывания с исключительным благородством, после чего позволил мне и дальше жить своей жизнью, а сам переключился на Томаса: прошел мимо него и разок коснулся щекой его лодыжки, обозначив, что этот человек является собственностью Мистера, а затем удалился, напустив на себя царственно-равнодушный вид. Мистер уже немолод, но прекрасно помнит, кто в доме хозяин.

Дочь еще спала на диване, накрытая тяжелым одеялом, а рядом с ней развалилось косматое серое чудище размером с будвайзеровскую лошадь¹⁰ – мой храмовый пес по кличке Мыш. Когда мы вошли, он ни головы не поднял, ни даже глаз не открыл. Только зевнул и поерзал в поисках чуть более удобной позы, а затем шумно выдохнул и опять погрузился в сон. Дыхание Мэгги едва заметно сбилось с ритма; она выпростала руку из-под одеяла и запустила ее в собачью шерсть. Они оба вздохнули во сне и опять перестали шевелиться.

Какое-то время я стоял и любовался этой идиллической картиной.

В такие моменты Томас обычно уходил на кухню варить кофе. Но сегодня встал рядом со мной и тоже уставился на девочку и пса.

– Проклятье, – наконец сказал он.

– Большая ответственность, – подтвердил я.

– Угу.

– Ты справишься.

Я взглянул на брата и прочел у него на лице нечто среднее между беззлой завистью, вселенской тоской и гримасой, которая бывает при острой боли. В общем, мину он скроил неопишную.

– Сомневаюсь, Гарри.

– Не дури, – сказал я. – Ты любишь ее. И ребенка полюбишь. Ясное дело, справишься.

К неопишмой мне добавилась легкая печальная улыбка, и наши взгляды снова устремились к спящей девочке.

Бывает покой, о котором я и знать не знал, пока не взял Мэгги под свою опеку. Неведомое мне прежде чувство... полного удовлетворения. Вот она, спит, счастливая, здоровая – и в полной безопасности.

Я глубоко подышал, чтобы унять эмоции, и усталость улетучилась – не из моего тела, а из каких-то неизмеримо более важных глубин моего существа. Брат тоже выдохнул, легонько стукнул меня кулаком по плечу и ушел на кухню, а я направился в душ.

---

¹⁰ Лошадь породы клейдесдаль (клайдсдейл) из рекламных роликов пивного бренда Budweiser.

Я варился под горячей водой, пока не надоело, а когда одевался, с кухни донеслись голоса.

– Молоко ничего не чувствует, – говорила Мэгги.

– Почему? – пропищал кто-то еще более юным голосом.

– Потому что оно неодушевленное, – бодро объяснила Мэгги.

– А... – Пауза. – Но оно шевелится!

– Это я его пошевелила, – сказала Мэгги. – А потом оно какое-то время плещется.

– Почему?

– Думаю, из-за силы тяжести, – предположила Мэгги. – Или энирции.

– Ты имеешь в виду инерцию? – спросил тоненький голос.

– Не исключено, – самым серьезным тоном подтвердила Мэгги.

– Откуда ты знаешь?

– Когда тебе исполнится десять лет, ты тоже много чего узнаешь, – сообщила Мэгги.

– Почему?

В этот момент я вошел в нашу кухоньку, где облаченная в пижаму Мэгги наводила беспорядок – в этом ей заботливо помогали Мышь и резная деревянная черепушка, в чьих глазницах тусклыми угольями неземного пожара светились крошечные зеленые огни. На столешнице громоздилась примерно половина наших продуктовых запасов, извлеченных из кладовки.

Я посмотрел на Томаса. Он сидел за столом с кружкой кофе, а вторую кружку налил для меня. Забирая ее, я шепнул:

– Тебе не пришло в голову, что пора бы вмешаться в процесс готовки?

– Не припомню всего, что приходило мне в голову за сто лет, проведенных тобою в ванной, – не задержался он с ответом.

– Как она? – спросил я тише прежнего.

– Вроде бы неплохо, – ответил он таким же тоном. – Мы обменялись пожеланиями доброго утра, пересеклись взглядами, и мне показалось, что она вполне довольна. А еще она спросила, буду ли я олады.

– И ты ответил, что будешь?

– Гарри, будь реалистом. Кто откажется от тарелки оладий, если кто-нибудь приготовит их специально для нас? Просто мы уже взрослые, вот и не хотим этого признавать.

С такой логикой не поспоришь, поэтому я отхлебнул кофе. Брат сделал то же самое.

– Планируешь ее остановить?

Прежде чем ответить, я наслаждался первым глотком кофе. В моем понимании этот напиток – само совершенство.

– Пожалуй, правильнее будет посмотреть, что у нее получится.

С этими словами я забрал кружку, переместился к столешнице и услышал, что Томас следует за мной. Как только я оказался в поле зрения деревянной черепушки, она стрельнула на меня глазами и с гордостью объявила:

– Олады неодушевленные!

– Совершенно верно, – подтвердил я.

Она... Скажем так: пусть лучше Бонни обитает в деревянной черепушке, а не в моей. Возникнув у меня в сознании, этот дух интеллекта так разросся, причем в самые кратчайшие сроки, что ему – а точнее, ей – стало тесно. Мы сумели успешно пересадить ее из моей головы в специально подготовленный резной деревянный череп. С тех пор мы учим эту малютку уму-разуму, отвечая на бесконечный поток вопросов.

– Доброе утро, Бонеа, – поздоровался я.

– Утро начинается, когда восходит солнце! – сообщила черепушка. – А заканчивается в полдень!

Наша Бонни – просто кладезь бессвязной информации. Готова рассказать о подробностях любых аспектов мироздания, но понятия не имеет, как они соотносятся с реальным миром. Коли уж связался с ней, будь добр соблюдать осторожность, а поэтому я сказал:

– И снова совершенно верно. – После чего добавил: – Доброе утро, Мэгги.

– Привет, пап. Я тут оладьи на завтрак готовлю.

– И это будет объедение, – подхватил Томас.

Братец ткнул меня в поясницу, а Мэгги бросила на него быстрый взгляд и застенчиво улыbnулась.

Оборачиваться не было нужды: и без того ясно, что Томас подмигнул ей в ответ.

– О да. – Я поднял брови. – Оладьи. Это что-то новенькое.

– Если хочешь повзрослеть, не бойся экспериментировать, – назидательно продолжила Мэгги. – Так Молли говорит. А Томас говорит, что всем нравятся оладьи.

– Всем без исключения, – подтвердил Томас.

Я хмуро глянул за плечо – мол, без тебя разберемся, – и брат ответил невинной улыбкой.

– Ну что ж... Оладьи – не самый плохой вариант, – заключил я. – Тебе помочь?

– Сама справлюсь, – ответила Мэгги. – Плилу я включать умею, а Бонни знает рецепт.

– Мне известны двести двадцать семь совершенно разных способов приготовить оладьи! – провозгласила черепушка. – Для шестнадцати из них сгодится наш кухонный инвентарь!

– Остановимся на седьмом рецепте, – решила Мэгги. – Правильнее готовить с нуля, из простейших ингредиентов.

Тут я понял, что вскоре на кухне устроят страшный кавардак. Мышь бросил в мою сторону самодовольный взгляд и облизнулся. В общем, за готовкой последует нешуточная уборка... но, пожалуй, это пойдет Мэгги на пользу. Поэтому я наклонился и чмокнул ее в макушку:

– Ты поосторожнее с плитой, хозяйюшка. Понадобится помощь – зови.

– Видишь, мисс Мэгги? – добавил Томас. – Я же говорил!

Я обмер и уставился на него:

– Так это ты все подстроил? Потому что тебе оладий захотелось?

Томас сделал серьезное лицо и предостерегающе глянул на Мэгги:

– Я мог бы сказать, что это не так. Но не стану.

Я закатил глаза, а дочка хихикнула:

– Не сердись на дядю Томаса, пап. Он хороший!

– А ты еще маленькая. Знаешь что? Я сам с ним разберусь. А ты сосредоточься на оладьях. И давай-ка поаккуратнее.

– Лады, – согласилась она.

Хотя глаза ее оставались припухшими от сна, Мэгги вернулась к готовке с той утренней энергией, что свойственна людям, еще не заработавшим зависимость от кофеина, а я устроился на стоявшем неподалеку диванчике.

Наша квартира, по сути, представляла собой одну большую комнату – кухню, столовую и гостиную без разделительных стен – с двумя дверьми в наши с Молли спальни. Хотя, строго говоря, вторая спальня тоже принадлежала Молли. Насколько я знал, после моего переезда она тут не жила, хотя забегала пару раз, чесала Мыша, обнимала Мэгги, весело щебетала со мной о каких-то пустяках и снова убегала.

Давненько мы с ней не разговаривали по-настоящему.

Эта квартира напоминала мое старое жилище на цокольном этаже пансиона миссис Спанкелкриф. Разве что здесь не пахло старым подвалом с его пылью и плесенью и было попросторнее. И посветлее. И почище. И это казалось неправильным.

Мое прежнее мрачноватое жилище, может, и выглядело убого, но в нем я чувствовал себя как дома. Будь прокляты вампиры, спалившие этот дом дотла, и будь проклят Марконе, выкупивший этот участок под свою штаб-квартиру.

Я скучал по своему подвалу.

Ну да ладно. Какой смысл горевать о прошлом? Жизнь постоянно меняется, и к тебе из раза в раз летит крученая подача. Делать нечего, надо отбивать.

Томас выбрал место, откуда было видно кухню, прислонился к стене и стал потягивать кофе, не отводя напряженно-задумчивых глаз от Мэгги.

– Риск – благородное дело, да?

– Если возникнут проблемы, Мышь даст мне знать, – ответил я.

– Хороший у тебя пес.

– Только попроси, и я напишу брату Вану. Скажу, что ты хочешь взять щенка.

– Одного щенка ты у него уже украл, – усмехнулся Томас.

– Непреднамеренно. К тому же я думаю, что этот пушистик прибился ко мне нарочно. И даже если брату Вану это не по нраву, в собаке он тебе не откажет.

– Что ж, – задумался Томас, – пес у тебя и впрямь замечательный.

– Не то слово, – поддакнул я.

– Надо обмозговать это дело. Слишком круто жизнь меняется. – Он по-прежнему не отводил глаз от Мэгги.

– Эй, братишка, – сказал я. – С тобой все в порядке?

Он бросил на меня косой взгляд и скупой улыбнулся:

– Просто... ушел в мысли о будущем.

– Оно и понятно.

Я закрыл глаза, прислушался к тупой боли, пульсирующей в руках и ногах в такт с ударами сердца, и вдруг оглушительно чихнул.

– Будь здоров! – тут же отозвалась из кухни Мэгги.

– Обязательно! – крикнул я. – Спасибо!

Из-за чиханья боль прихлынула в тело и не унималась несколько секунд. Я открыл один глаз. Что-то было не так.

Энергетическая мантия Зимнего Рыцаря позволяет мне не отставать от брата-вампира во время пробежек по песчаному берегу озера, причем с двухсотфунтовым отягощением. Помимо прочего, мантия приглушает боль, превращая ее в кристальное чувство едва заметного напряжения. Переломы, конечно, время от времени причиняют легкие неудобства, а кровоточащие раны требуют некоторого внимания, но про обычную боль я и думать забыл.

А теперь вспомнил.

Эта идиотская Зимняя мантия беспрерывно накачивает меня первобытными эмоциями и нецивилизованными желаниями – проще сказать, отражениями моих инстинктов, возведенных во вторую степень. По утрам я выхожу на изнурительную пробежку вовсе не потому, что мне это нравится. Дело в том, что дисциплина и распорядок дня помогают держать основные инстинкты в узде. Благодаря ежедневным физическим нагрузкам энергия тратится на поддержку организма в функциональном состоянии – по моему расписанию и в соответствии с моими желаниями, – и в результате мантия уже не так давит на психику. Она помогает забыть о физической боли и выйти далеко за границы нормальной человеческой выносливости, но не перестает причинять мне ощутимые неудобства, и приходится постоянно сдерживать себя, чтобы она оставалась застегнута на все пуговицы.

– Вот это чихнул так чихнул, – заметил Томас. – Ты в норме, умник?

– Самочувствие какое-то странное, – признался я.

Мистер запрыгнул на диван, устроился у меня на коленях и сунул голову мне под руку. Я машинально погладил его, и кот завибрировал от мурлыканья, неотличимого от звука, который издает закипающая в кастрюле вода.

Через секунду-другую после того, как у меня мелькнуло в голове это сравнение, я снова чихнул, теперь сильнее, и на сей раз за волной боли последовал прилив изнеможения – такого всепоглощающего, что я едва не свалился с дивана.

Одновременно с чиханьем что-то гроыхнуло и расплескалось. Мистер спрыгнул с моего колена и удрал в укрытие. С третьей попытки я сфокусировал взгляд и увидел, что на ковре передо мной лежит металлическая кастрюля с черными пластмассовыми ручками, а вокруг растекается закипевшая вода.

Я оторопело посмотрел на Томаса, он – на меня, и по его лицу я понял, что брат понятия не имеет, что произошло. Мы оба снова уставились на кастрюлю.

Чуть погодя я сдвинул брови, потянулся вперед и провел пальцами по металлу. Кастрюля была горячей, но не настолько, чтобы обжечься до волдырей. Я непонимающе посмотрел на нее и взялся за пластмассовые ручки. Пару секунд они казались на удивление податливыми, а затем вдруг пластмасса, металл и вода одновременно содрогнулись и растаяли, превратившись в прозрачную студенистую жидкость, а та просочилась меж пальцев и шлепнулась на ковер. Эктоплазма. Базовое вещество мира духов.

Что за чертовщина?

Эктоплазма – весьма необычная субстанция. Ей придают форму с помощью магии, а напитывают энергией, и, покуда ее поток не иссякнет, эктоплазма сохраняет нужные очертания. Так духи Небывальщины создают физические тела и разгуливают по материальному миру, словно космонавты в открытом космосе. Но стоит потоку энергии прерваться, и тело конструкта вернется к первоначальной форме – слизистой эктоплазме, которая, в свою очередь, испарившись из материального мира, вернется в Небывальщину, и на все про все понадобится несколько секунд.

Итак, черт возьми, откуда взялась эта кастрюля?

Происки местных Стражей? Мелкие фэйри, что слоняются по моей квартире, склонны к озорству. Вернее сказать, эти создания жить без него не могут. Допустим, кто-то из них решил надо мной подшутить?

Допустим. Но если так, откуда шутник узнал, что я думаю о кастрюле с кипящей водой?

Чертовски своеобразная ситуация.

– Гарри? – окликнул меня Томас.

– Чертовски своеобразная, – сказал я вслух и вытер переполненный слизью нос. – Даже для меня.

– Пап? – позвала Мэгги.

– Да-да?

– Бонни говорит, что нельзя переворачивать оладьи, пока не зажарятся до золотисто-коричневой корочки. Но как узнать, появилась корочка или нет? Ее же не видно!

Я заставил себя встать с дивана, вооружился пригоршней бумажных салфеток и подошел к плите.

– Есть один фокус. О корочке судят по виду непропеченного теста. Сейчас покажу.

– Показывай.

Я начал посвящать дочку в тонкости переворачивания оладий, но едва мы стали жарить вторую порцию, где-то в стене затренькал крошечный колокольчик. Сработала тревожная сигнализация.

Мыш тут же повернул морду к источнику звука и тихонько зарычал. Мэгги растерянно взглянула на меня.

Томас уже не стоял спиной к стене. Он превратился в тугой комок концентрированной энергии. Взглянул на меня, переместился на кухню и выхватил из стойки большой поварской нож.

– Сюда кто-то идет, – сказал я. – Давайте сперва выясним, что происходит. Такое мы уже репетировали: ступай ко мне в комнату, спрячь Бонни в коробку, пригнись к полу и веди себя тихо. Договорились?

– Договорились. – Вид у Мэгги был неуверенный, но она кивнула.

– Беги давай.

Я закрыл за ней дверь спальни и схватил стоявший у камина чародейский посох. И вдруг пожалел, что в недавнем прошлом не удосужился потратить несколько лишних часов на совершенствование своего магического арсенала. Впрочем, лишних часов у меня не было, поскольку все свободное время занимала роль отца, оказавшаяся куда более хлопотной, чем я предполагал. Поэтому времени для активной работы над снаряжением – а это очень трудоемкое дело – оставалось всего ничего. Все, что у меня имелось, – это посох, собственноручно вырезанный на затерянном посреди озера Мичиган острове под названием Духоприют, боевой жезл и собранная на скорую руку копия моего старого защитного браслета. Ими и придется обойтись.

Кто бы ни активировал сигнал тревоги, маловероятно, что это существо могло запросто миновать систему безопасности свартальвов. Но если его пропустили через КПП, почему затренькал тревожный колокольчик?

– Что скажешь? – спросил Томас.

– Скажу, что любое создание, проходящее через оборонительный периметр свартальвов, чтобы попасть в эту квартиру, вызывает у меня легкую дрожь.

– Значит, тебя нервирую не только я. Приятно слышать.

Несколькими секундами позже в дверь постучали тяжелой рукой.

Я убедился, что дверь в комнату, где находилась моя дочь, крепко закрыта, после чего перехватил посох так, как принято держать винтовку, и бесшумно приблизился к двери, а брат сделал то же самое.

Глава 3

Я собрал волю в кулак, и посох наполнился энергией. Спираль рун по всей его длине загела изумрудным огнем, и от резьбы потянулись тонкие струйки дыма. В воздухе повис дымный аромат свежееопаленного дерева. На стенах зажглись зеленые руны и символы.

Чародейский посох – универсальный инструмент. При необходимости он развязывает мне руки, и я получаю доступ к разнообразным силам, а конкретно этот посох я сконструировал так, чтобы сеять разрушение или отражать атаку – смотря что потребуется. Не издавая ни звука, Томас переместился к стене у двери – так, чтобы дотянуться до любого, кто войдет в квартиру. Он опустил нож к бедру и кивнул мне: дескать, готов.

Без лишней суеты я открыл дверь.

За ней стоял старик. Плотный, на пару дюймов ниже среднего роста. В руке посох – примерно как мой, но покороче и потолще, под стать владельцу. Сияющую лысину обрамляли завитки серебристо-белых волос, хотя с нашей последней встречи на коже у старика добавилось печеночных пятен. Несмотря на возраст, темные глаза за стеклами очков лучились ясным огнем. Одетый в белую футболку, синие джинсы и рабочие ботинки с металлическими вставками, на пороге стоял Эбинизер Маккой, старейшина Белого Совета чародеев.

Мой наставник. И к тому же мой дед.

Задумчиво наморщив лоб, старик поизучал меня, а затем перевел взгляд на посох и заметил:

– Новая вещица. Резьба хорошая, убористая. Правда, сработана грубовато.

– У меня не было ничего, кроме перочинного ножа, – стал оправдываться я. – Наждачки, естественно, тоже. Пришлось шлифовать камнями.

– Понятно, – сказал он. – Можно войти?

Я взглянул ему за спину. В коридоре стоял Аустри: одна рука под пиджаком, два пальца другой прижаты к ушной раковине. Его губы шевелились, но слов я не слышал.

– Аустри? Почему сработала тревога?

По всей видимости, свартальв прислушивался к чему-то, вещавшему ему прямо в ухо. Дослушав, он кивнул и ответил, не вынимая руки из-под пиджака:

– Свартальвам известен этот человек. Он из Белого Совета чародеев, силен и чрезвычайно опасен. Кроме того, он отказался соблюдать пропускные правила.

– Как будто у меня есть лишние двое суток на анализ ДНК. Даже если бы я сдал образец, – проворчал Эбинизер. – Говорю же, мы с Этри знакомы. И он готов за меня поручиться.

Тут раздался странный звук, чем-то напоминающий журчание, и в коридоре материализовался десяток свартальвов – таких же, как Аустри. Они просто взяли и выскользнули из пола, как пловцы выныривают из воды. В руках они сжимали разнообразное оружие, как современное, так и древнее, но атаковать не спешили. Импульсивность свартальвам несвойственна. Лица у них были непроницаемые, но определенно недружелюбные.

Аустри долго рассматривал Эбинизера, а затем перевел взгляд на меня:

– Чародей Дрезден. Можно ли считать этого человека гостем мисс Карпентер?

– Пожалуй, так будет проще для всех присутствующих, – ответил я.

– Проще? – переспросил Аустри. – Простота или сложность никоим образом не относятся к делу. Так является ли он гостем мисс Карпентер? Или нет?

– Является, – согласился я. – Позвольте ему войти. Пока он здесь, я отвечаю за его поведение.

Аустри довольно долго хмурился, и на лице у него отражались разнообразные стадии сомнения. Однако он вынул руку из-под пиджака, кивнул мне и подал знак остальным, после чего охранники-свартальвы промаршировали по коридору с глаз долой.

– Зануды, да? – заметил я.

– Это еще очень мягко сказано, – отозвался Эбинизер.

– Вы нарочно заартачились, – предположил я.

– Поначалу нет, но потом один из них стал дерзить.

– И вы перестали обращать на них внимание?

– Время от времени им полезно напоминать, что нельзя контролировать все на свете. И что член Совета Старейшин имеет право ходить там, где ему заблагорассудится. – В углах его глаз появились морщинки, а во взгляде блеснула озорная искорка. – Последний парень меня реально достал.

– Это Гедвиг, – подсказал я. – Ворчун. И конченный параноик.

Я выпустил энергию из посоха. Руны перестали сиять, и свет погас. Свободной рукой я махнул Томасу, и тот отступил от двери. Затем я тоже отошел в сторону, раскрыл дверь нараспашку и сказал деду:

– Милости прошу.

Старик мало что упустил. Вошел с настороженным, но спокойным видом человека, сосредоточенного сразу на всем окружающем, и моментально направил посох на Томаса.

– Что тут забыла эта тварь? – осведомился он.

– Тварь? – приподнял брови Томас. – И это я слышу от штатного головореза Белого Совета? Не слишком ли громко сказано, да еще и с претензией на праведный гнев?

Насколько мне было известно, дед не знал, что мы с Томасом братья по матери – то есть его дочери. И понятия не имел, что у него имеется еще один внук. У Эбинизера есть... пунктик насчет вампиров из Белой Коллегии.

В Паранете их величают инкубами и суккубами, но я склонен игнорировать эти глупейшие названия, покуда они не станут общеупотребительными.

– Вампир, – глухо пророкотал дед, – до сей поры ты был полезным союзником юного Дрездена, но не советую нарываться, привлекая мое внимание.

Глаза Томаса загорелись чуть ярче, и он улыбнулся так, как всегда улыбался, когда был крайне разъярен.

– Смелое заявление из уст человека, рискнувшего приблизиться к кому-то вроде меня, даже не выставив защитный экран.

– Ах ты, скользкий сопляк... – начал дед.

И тут воздух наполнился запахом горелого теста. Я метнулся к плите, перевернул оладью, за время перебранки успевшую хорошенько подгореть, а затем с излишней силой шмякнул лопаткой о столешницу и произнес с едким сарказмом:

– Джентльмены, я уверен, нет нужды напоминать вам, что вы оба – гости в моем доме.

Эти слова подействовали на них как ушат ледяной воды.

Если в нашем мире и существуют неколебимые законы, один из них – древняя традиция соблюдать право гостя и право хозяина. По этим правилам гостя чтут, уважают и относятся к нему как к родственнику. А гость, в свою очередь, должен вести себя прилично – так, будто он и впрямь твой родственник.

Кроме того, всех нас действительно связывали родственные узы. Вот только дед об этом не знал.

Но брат слегка расслабился, приняв чуть менее хищную позу, а дед опустил посох и встал вполоборота к Томасу.

– Прости, Гарри, – сказал брат. – Больше такое не повторится.

Я кивнул ему и бросил взгляд на старика.

– Я должен извиниться. Перед тобой, – произнес дед, делая акцент на местоимении. – Не следовало так себя вести у тебя дома. Прошу прощения.

Одно можно было сказать наверняка: это утро не попадет в семейные фотоальбомы. Но и похоронами не закончится. Как говорится, довольствуйся тем, что имеешь, и лови удачу за хвост.

– Спасибо, – поблагодарил я, обращаясь к обоим, после чего протянул руку, и Томас вложил в нее рукоятку кухонного ножа.

Я убрал нож, посмотрел на деда и многозначительно покашлял.

Какое-то время старик грозно смотрел на Томаса, а затем вдруг расслабился, поставил посох в угол у двери и произнес самым обычным тоном:

– Чем это пахнет? Оладьями?

– Ага. – Мой посох отправился в тот же угол. – Завтрак готовим.

– Гарри, – сказал Томас, – я, наверное, пойду.

– Можешь остаться, – возразил я.

– Нет. – Он посмотрел на Эбинизера, крепко сжав губы. – Не могу.

– Томас... – начал я.

Брат поднял руку – мол, это не обсуждается – и вышел из квартиры. Лицо у него было мрачнее тучи.

Дед дождался, пока закроется дверь, а потом зыркнул на меня из-под кустистых бровей.

– И на том спасибо, – сказал я.

– Благодарность весьма уместна, – беззлобно ответил он. – Не устану повторять, что ты знаешь вампиров хуже, чем тебе кажется.

– В общем и целом Белая Коллегия – тот еще гадюшник, – согласился я, – но Томас – нормальный парень.

– Именно так скажет любой, кого он охмурил, – насупился дед, но тут же поднял руку и продолжил примирительным тоном: – Пойми, Хосс, я в твои дела не лезу. Не подумай, что я сплю и вижу, как бы ворваться в твою жизнь, чтобы рулить ею. И я, конечно, зря ставлю палки в колеса, когда речь заходит о твоих отношениях с этим вампиром. Но ты молод, а у меня побольше опыта. Я знаю о них то, чего не знаешь ты, и не хочу, чтобы ты наступал на те же грабли. Только и всего.

Я сдвинул брови.

Если старик пускается в объяснения вместо того, чтобы предоставить мне самому делать выводы, его что-то тревожит.

– А вот и он! – с улыбкой воскликнул Эбинизер, когда Мыш подошел здороваться, и любовно потрепал собачьи уши. – Времени у меня в обрез, поэтому перейду к делу. Ты в беде.

– Оно и видно. – Я ушел на кухню и плеснул на сковородку жидкого теста. – Первый разговор с глазу на глаз после Чичен-Ицы, и сразу быка за рога – да, сэр?

Он слегка прищурился, обдумал мои слова и произнес:

– С той ночи у нас хватало забот. Гибли люди. Ты понятия не имеешь, каково нам пришлось.

– Я тоже по вам скучал, – отозвался я. – И тоже рад узнать, что вы целы и невредимы.

– Сейчас не время, – сказал он.

– Для оладий? – спросил я. – После утренней зарядки мне всегда есть хочется.

– Я не шучу, внук, – твердо заявил старик. – К старейшинам поступило предложение лишить тебя членства в Белом Совете.

– Ого! – Я вскинул брови. – Сперва требуют, чтобы я носил треклятый серый плащ, не спрашивая, нравится мне это или нет, а теперь собираются меня вышвырнуть? Как вижу, кто-то надумал устроить показательную порку.

– Если предложению дадут ход, поркой дело не закончится, – зловеще произнес дед, после чего не без труда взял себя в руки. – Гарри, мне тоже хочется поговорить. Наверстать упу-

щенное. Разрядить атмосферу. И мы непременно поговорим. Но прямо сейчас нельзя давать волю эмоциям.

Я хмуро уставился на сковородку. Последнее время я много работаю над тем, чтобы держать эмоции под контролем.

– Ну хорошо. Перемирие. На сегодня. Под каким предлогом меня хотят исключить?

– Их несколько, – ответил дед. – К примеру, твое нестандартное повышение до полноправного чародея. Множество случаев, когда ты встречал в громкие дела. Упорство, с которым ты уже больше десяти лет чародействуешь в открытую. И, что немаловажно, конфликт интересов – по их мнению, спровоцированный твоей службой у королевы Мэб, из-за чего под ее влияние попал еще один известный колдун, не считая тебя.

– Все это правда, – подтвердил я. – И я ничего не утаивал. Все эти сведения открыты для публики. Так в чем проблема?

– В том, что Белый Совет становится все более недоверчивым, – объяснил Эбинизер. – А ты благодаря своим поступкам превратился в постороннее лицо. В непростые времена подозрение падает на таких, как ты. И это вполне естественно.

Я перевернул оладью – как раз вовремя, поскольку она поджарилась до золотисто-коричневого цвета, – и задумался вслух:

– Если мне дадут пинка, с официальной точки зрения я перестану быть чародеем и лишусь протекции Совета.

– За долгие годы ты нажил немало врагов, – сказал Эбинизер. – Как и я. Случись тебе покинуть Совет, и недруги – что твои, что мои – не преминут этим воспользоваться. Какую защиту гарантирует тебе Мэб?

– Мэб, – ответил я, – не слишком заморачивается вопросами моей защиты. Скорее наоборот. С ее точки зрения, правильнее раскроить мне горло, а тело заключить в янтарной глыбе. Тогда-то – и только тогда – я окажусь в полной безопасности.

Это была шутка, но старик не улыбнулся. Лишь мрачно смотрел на меня, давая понять, что ему не до веселья.

– Защита Рыцаря не входит в обязанности Мэб, – вздохнул я. – Наоборот, принято считать, что это Рыцарь должен защищать королеву. А если меня прикончат, будет ясно, что я с самого начала не годился на эту должность.

– Ты не понимаешь всей серьезности дела, – сказал дед.

Я переложил готовую оладью к остальным и снова плеснул теста на сковородку.

– Если совсем припрет, всегда можно отступить на Духоприют.

– Господи, кто бы знал всю правду про этот остров... – проворчал Эбинизер. – И что дальше? Сидеть там до самой смерти и ежиться от страха?

– Значит, нельзя допустить, чтобы по этому предложению проголосовали в общем порядке, – сказал я. – Вы же входите в Совет Старейшин. Вот и злоупотребите служебным положением. Возьмите дело в свои руки.

– Не могу, – заявил Эбинизер. – За неимением кворума голосование будет общим и пройдет без четверых старейшин, обязанных присутствовать на мирных переговорах.

– Без четверых? – У меня слегка скрутило живот. – Это которых?

– Без меня, Крестоса, Слушающего Ветер и Марты Либерти.

– Ох ты, – выдохнул я.

Мой дед – стреляный воробей с завидной сетью союзников в Белом Совете, да и врагов у него немногим меньше. Сам Мерлин терпеть его не может, а из троих старейшин, которые будут председательствовать на следующем заседании Совета, только Привратник проявлял ко мне хоть что-то похожее на благосклонность. Даже если голосование состоится в Совете Старейшин, я проиграю со счетом «один к двум».

Более того, я толком не знал, как котируюсь среди общей популяции Белого Совета. Чародеи живут подолгу – и вовсе не потому, что рискуют направо и налево. Если поискать в словаре Белого Совета выражение «неоправданный риск», на соответствующей странице вы найдете только одно имя. Мое. И мой адрес. И всю персональную информацию. И биографию – начиная со средних классов средней школы. И еще на фотоснимок полюбуетесь.

– Надо бы тебе переговорить с кем-то из них в личном порядке, – продолжил Эбинизер. – Руку пожать. Напомнить, кто ты такой. Добавить людям уверенности. У тебя всего-то несколько дней, но если подсуетишься – есть шанс заручиться поддержкой и сделать так, чтобы предложение не прошло.

– Нет, – отказался я. – Не могу. Для этого придется пренебречь обязанностями Стража и Зимнего Рыцаря.

– Что? – спросил он.

Я рассказал об утренней встрече с Рамиресом.

– Мне поручено присматривать за вами на переговорах, а также поддерживать связь с Зимой.

Старик выплюнул проклятие.

– Вот именно, – подтвердил я.

Почти всех моих сторонников в Совете Старейшин отсылают прочь и одновременно мне дают важнейшее задание: обеспечивать безопасность на мирных переговорах. Между тем из всех знакомых со мной чародеев только Рамирес и его компания могли бы выступить в мою поддержку – и их тоже отправили в Чикаго.

– Меня хотят подставить.

– И не говори, – согласился Эбинизер.

– Но кто? Мерлин? Чувствуется его стиль.

– Может быть, – сказал дед. – С другой стороны, в последнее время Крестос тоже раскомандовался. Трудно сказать, откуда ветер дует.

Я перевернул оладью. Не проводи я с этим стариком много лет, не заметил бы в его тоне той специфической интонации, что заставила меня поднять глаза. Он назвал имя Крестоса, но имел в виду...

– Черный Совет, – сказал я.

Старик хмуро посмотрел на меня, а потом окинул взглядом стены.

Черный Совет – секретная организация. Какие-то неведомые личности из чародейского сообщества портят мне кровь уже лет десять, а то и больше. Неведомыми также остаются их цели и задачи, но очевидно, что эти люди чертовски опасны. Чародей Крестос вошел в Совет Старейшин при странных обстоятельствах, намекающих, что могущество Черного Совета распространяется даже на верхний эшелон власти. Привычный мне Белый Совет, то неповоротливый, то суетливый и не интересующийся ничем, кроме внутренних политических игр, – жутковатая, но вполне обыкновенная организация. Но Белый Совет, управляемый людьми, с которыми мне довелось схлестнуться за последние годы, – это кошмар, о котором и подумать страшно.

Поэтому несколько человек, включая меня, собрались вместе и прикинули, нельзя ли помешать этой трансформации. Поскольку образование тайных чародейских обществ расценивается Белым Советом как доказательство заговора по его свержению, нам пришлось соблюдать максимальную осторожность во всем, что касалось нашей скромной группы. Тем более что мы на самом деле вынашивали замыслы против Белого Совета, хоть и делали это исключительно для его пользы.

– Я чищу квартиру трижды в день, а маленький народец обеспечивает защиту от прослушки, – сообщил я. – Так что нас никто не услышит.

– Это хорошо, – кивнул Эбинизер. – Да. Независимо от того, кем является Крестос – явным прислужником Черного Совета или всего лишь его марионеткой, – думаю, напрашивается вывод, что Черные хотят тебя убрать.

– Что еще новенького? – съязвил я.

– Ты хвост-то не распускай, – одернул меня дед. – Бывало, ты вмешивался в их дела, но эти люди никогда еще не атаковали тебя напрямую.

– Похоже, я причинил им слишком много неприятностей.

– В общем, имей в виду: что бы ни происходило, твое устранение стало для них вопросом первостепенной важности.

Я перевернул очередную оладью. Неаккуратно. Тесто размазалось по сковородке. Не то чтобы я испугался... Но временами Черный Совет творил страшные вещи.

– Что думаете? – спросил я у старика.

– Думаю, что эти люди не намерены раскрывать своих планов. Они не попрут против тебя в открытую, не полезут на рожон, но и не отступятся. – Эбинизер искоса глянул на меня. – Это пресловутое голосование – всего лишь отвлекающий маневр. Буря, которую они раздувают.

– Предлагаете не обращать на нее внимания?

– Бурю можно игнорировать, но от этого она не станет менее смертоносной. Так что мы вынуждены с ней разобраться. Потому-то эта буря и является великолепным отвлекающим маневром.

– Тогда что будем делать?

– Не заикливаться на подставе и помнить, что тебя хотят отвлечь от реальной проблемы.

Я дожарил последнюю оладью, перенес блюдо на стол, разложил завтрак по тарелкам, и мы с дедом молча приступили к еде.

– Вкусно, – наконец похвалил он.

– Спасибо.

Когда тарелки опустели, мой наставник покачал головой:

– Посмотрю, что можно сделать насчет голосования. А ты тем временем прилагай все усилия.

– Чтобы что? – спросил я.

– Чтобы выжить, – ответил он, глядя куда-то в пустоту. – Пока что ты, можно сказать, пороха не нюхал.

– В каком смысле? – оторопел я.

– Проблемы, конечно, были, – объяснил дед, – но обычно ты исполнял Ланселота¹¹: на полном скаку врвался в битву и одерживал верх.

– Не всегда.

– Чаще, чем другие. Окажись они на твоём месте, – добавил он. – Когда-то я был таким же. Как ты сейчас.

Наступило молчание, и я не рискнул его нарушить.

– Теперь ты, мальчик, лезешь в самую чащобу. Ставки повышаются.

– Что имеется в виду?

– За последние годы недругам стало ясно, что ты не из тех, кого можно убрать через прямую конфронтацию. Поэтому они начнут прибегать к альтернативным методам.

– Например? – поинтересовался я.

– Будут действовать по старинке, – устало ответил он. – Как всегда. Думаю, Хосс, тебе собираются всадить нож в спину. И это сделает тот, от кого ты совсем не ждешь подобного фокуса.

---

¹¹ Ланселот – рыцарь Круглого стола.

Глава 4

Тут из глубины квартиры донесся тишайший звук, и старик вскочил на ноги с прытью бездомного кота, но перед тем прошипел какое-то слово, и посох выскользнул из угла и прилетел к нему в руку.

– Э, полегче! – Я тоже встал и развел руками. – Может, расслабитесь? Пожалуйста?

– Кто там? – осведомился он, просверлив меня алмазным взглядом. – Кто?!

– Я же только что накормил вас оладьями... – пробурчал я. Если старик стал такой нервный, дела в его мире и впрямь обстоят не лучшим образом. – Звезды и камни!

– Не говори так. – В его тоне появились брюзгливые модуляции. Вот, так-то по привычке. – Ты даже не знаешь значения этой фразы.

– Тот, у кого я ее подцепил, в подробности не вдавался, – парировал я. – Ну, расслабитесь? На пять секунд? Пожалуйста!

Он сердито взглянул на меня и приопустил посох – совсем чуть-чуть.

– Зачем мне расслабляться?

– Затем, что мне не хочется, чтобы моя дочь до смерти испугалась своего прадедушки.

При первой встрече.

Услышав это, старик моргнул. Дважды. И тут же опустил посох – теперь окончательно.

– Что? Она здесь? И была здесь? Все время?

– Общение с незнакомцами дается ей непросто.

Я опустил глаза на Мыша и мотнул подбородком в сторону двери. Пес послушно встал и направился к спальне, чтобы поддержать девочку своим присутствием.

– И ты допустил, чтобы рядом с ней ошивался вампир? – прошептал дед с потрясенным выражением лица.

– Мэгги! – негромко позвал я. – Можешь выходить. У нас гость, и тебе надо бы с ним познакомиться.

Дверь спальни приоткрылась. Я увидел клинышек дочкиного лица и настороженный карий глаз.

– Иди поздоровайся с прадедушкой, – продолжил я, не повышая голоса, и глянул на старика. – Этот момент я представлял себе иначе, но как есть, так есть. Выходи, солнышко.

Дверь приоткрылась чуть шире. Мэгги высунула руку и водила ею в воздухе, пока не нащупала собачью шерсть. Зарылась пальцами в гриву Мыша, а затем медленно-медленно открыла дверь до конца и молча застыла перед Эбинизером.

– Мэгги, – сишло произнес он. – Здравствуй, юная леди.

Она едва заметно кивнула.

Эбинизер кивнул в ответ, после чего повернулся ко мне; в глазах у него тлел гнев, какого я в жизни не видел. Старик хотел что-то сказать, но я предостерегающе зыркнул на него и предложил:

– Как вам идея подняться в сад, чтобы Мыш размял лапы?

– Давайте, – согласилась Мэгги.

Старик пронзил меня кинжально-острым взглядом. Затем приструнил эмоции, повернулся к моей дочери и мягко улыбнулся.

– Звучит заманчиво.

Вскоре мы с Эбинизером стояли и смотрели, как Мэгги и Мыш играют с детворой свартальвов.

Сад во внутреннем дворе посольства был великолепный: в центре несколько деревьев, а вокруг лужайки и клумбы, разбитые с большим вкусом и оставляющие достаточно места для беготни и игр в прятки. Маленькие свартальвы – существа странной наружности со свойствен-

ной родителям серой кожей и прямо-таки громадными глазами. Очаровательные пострелята. Тех, что по возрасту годились Мэгги в друзья, в посольстве жило с полдюжины, и все они без исключения были в восторге от Мыша. Мой пес играл с ними в салки, с легкостью прыгая туда-сюда и, несмотря на внушительную мышечную массу, ловко уклоняясь от детских рук.

В саду находились несколько взрослых свартальвов. Они вежливо держали дистанцию – что физическую, что психологическую, – но определенно чувствовали напряжение между мной и стариком.

– Ты что, сдурел? – осведомился Эбинизер.

– Просто сделал выбор, – ответил я.

– С тем же успехом можешь подарить ей футболку с мишенями на спине и груди. – Старик говорил негромко, чтобы не слышали дети. – Рядом с тобой девочка станет первейшим объектом для атаки. Господи! Вампирам уже известно, кто она и где находится!

– Она долго жила вдали от меня, в надежном доме. И не сказал бы, что это пошло ей на пользу.

– А чем тебе не угодил дом Карпендеров? – спросил дед. – Если не считать штаб-квартиры в Эдинбурге, более безопасного места не сыскать. Почему бы не оставить Мэгги у них?

– Потому что ее отец там не живет, – ответил я.

– Дурень ты, вот ты кто! – Старик поднял глаза к небу, словно умоляя Всемогущего даровать ему терпение.

Я скрежетнул зубами:

– Есть предложения получше?

– Ей надо жить в проверенном убежище. Подальше от тебя. По крайней мере, пока у нее не проявятся скрытые таланты и она не научится защищать себя.

– Если такое вообще произойдет.

– В ином случае ей не выжить в нашем мире.

– Вы-то, конечно, предпочли бы поступить иначе. – Я понял, что начинаю сердиться.

– Я и поступил иначе, – отрезал дед. – Сделал так, что твоя мать выросла вдали от рисков, свойственных моему образу жизни.

– И что из этого вышло? Давайте спросим у мамы. Хотя погодите. Спрашивать-то не у кого. Ведь мамы нет в живых.

Вдруг стало очень тихо. Мне показалось – или не показалось, – что на пару секунд солнце потускнело. Но готов ручаться, что свартальвы отступили от нас еще дальше.

Старик заговорил, и его голос рокотал, как далекие раскаты грома:

– Что ты сказал мне, мальчик?

– Что мамы нет в живых, – с расстановкой повторил я. – Ваша дочь, которую вы прятали в безопасном месте, уже не с нами. Так что вам нечего мне предьявить.

Старик молчал. Он походил на статую, вырезанную из старинной слоновой кости.

– Да, чудовища уже пытались убить Мэгги. Но я их остановил. И если это повторится, остановлю снова. Ей не надо где-то отсиживаться. Пусть лучше будет рядом с отцом.

– Как ты смеешь... – прошипел старик.

– Может, я не лучший отец на свете, но вот он я, здесь. Я есть в ее жизни. И этого не заменить. Ничем. Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

– Идиот, – процедил Эбинизер сквозь стиснутые зубы. – Ты хоть знаешь, на что способны твои хозяева?

– У них хотя бы слова не расходятся с делами, – со злостью сказал я.

– Не нарывайся, мальчик, – предупредил он.

– На что? Что вы сделаете? Сдадите меня в систему патронатных семей? Разумеется, для моего же блага.

Голова старика дернулась назад, словно я отвесил ему пощечину.

– Мамы не стало, когда я родился, – ровным голосом произнес я. – Папы – когда я пошел в детский сад. А вы просто взяли и оставили меня в одиночестве.

Эбинизер отвернулся, и плечи его поникли.

– Может, вы думали, что защищаете меня, – продолжал я без интонации, – но на самом деле вы меня бросили. И мне было больно. У меня остались шрамы. Я даже не знал о вашем существовании и до сих пор на вас сержусь.

Я смотрел, как дети гоняются за Мышем. Он мог бегать часами, и это никак не сказывалось на его дыхалке. Все веселились на полную катушку.

– Моей дочери пришлось несладко, – тихо проговорил я. – Хватит. Не хочу, чтобы Мэгги тоже через это прошла.

Загривок и макушка старика налились кровью. Я слышал, как щелкнули суставы пальцев: крепкие грубые руки сжались в кулаки.

– Ты не в себе, мальчик, – грубо проворчал он. – И не понимаешь сути дела.

– Не стану спорить, что это определение подходит одному из нас.

– Твоя мать мертва, – сказал Эбинизер. – Отец мертв. Мертва и женщина, выносившая твоего ребенка. Что связывает всех этих людей? Ты! Разве непонятно? Неужели ты не видишь, что сейчас не время идти на поводу у эмоций?

Гнев и боль вспыхнули с такой силой, что я уже боялся потерять над собой контроль – и вовсе не из-за того, что на мне была Зимняя мантия.

– Я вижу лишь маленькую девочку, и она нуждается в отцовской любви, – сказал я. – А для этого я должен быть рядом.

– Ты заблуждаешься.

– Может быть. Но она моя дочь, а потому мне и карты в руки.

Эбинизер покачал головой.

– А поскольку я заметил, что порой моя жизнь напоминает мексиканскую мыльную оперу, причем с бездарным сценарием, – не унимался я, – пора вам кое-что узнать.

– Что именно?

– По-моему, сейчас вы думаете, как бы схватить ее и спрятать в укромном месте. Но имейте в виду: если так, я за ней приду. Даже через ваш труп... сэр.

Старик повернулся ко мне, словно грозовая туча.

Я, не моргая, выдержал его взгляд.

– Послушай, парень, – начал Эбинизер. В его голосе появилась легкая шотландская картавость. – Ты ступаешь на очень тонкий лед.

– Не в первый раз. И не в последний.

Старик агрессивно выпятил подбородок и с шумом втянул воздух.

– Джентльмены! – раздался еще один голос, густой и низкий. – Прошу меня извинить.

Мы с дедом гневно уставились на того, кто осмелился нам помешать.

Перед нами стоял совершенно невозмутимый свартальв в темно-синем шелковом костюме. Повыше, чем Аустри, да и покрепче.

– Джентльмены, вы гости в моем доме. Но ведете себя по меньшей мере невежливо.

Я оторопело огляделся по сторонам. В саду уже не играли. Дети свартальвов попрятались за родителей, а Мэгги, оказавшись на полпути между ними и нами, балансировала на одной ноге, словно готовилась дать деру. Обеими руками она отчаянно вцепилась в гриву Мыша. Закрыв ее своим телом, пес смотрел на меня, и в его взгляде я не увидел ни капли одобрения.

Пожалуй, мы говорили громче, чем казалось.

– Этри. – Дед приветствовал его кивком. – Мы тут обсуждаем... вопросы личного свойства.

– Обсуждайте их в другом месте. – Глава посольства свартальвов обратил к Эбинизеру взгляд, в котором не было ни сочувствия, ни понимания. – Вы пугаете детей. Пока вы в моем доме, Маккой, извольте вести себя учтиво и благопристойно.

Это заявление, сделанное самым решительным и бескомпромиссным тоном, исключало любые поблажки. Я изумленно смотрел на свартальва. Да, он пользуется уважением в сверхъестественном сообществе – чему, как правило, сопутствует немалая личная власть, – но Эбинизер Маккой?.. Бодаться с ним рискнет только глупец.

Да, я в курсе подтекста. Лично я бодался с дедом уже минут десять.

Старик демонстративно вздохнул и обвел глазами территорию. Его взгляд задержался на Мэгги, и вдруг мне показалось, что он слегка сдулся – словно за последние несколько секунд постарел на десяток-другой лет.

Тут я крепко призадумался обо всем, что наговорил в приступе гнева, и мне стало стыдно.

– Само собой разумеется, – сказал старик. – Приношу официальные извинения и прошу простить, что беседа вышла из-под контроля и я расстроил ваших детей. Этому нет оправданий, и я прошу закрыть глаза на мою грубость.

– Угу, – добавил я. – Подписываюсь под каждым словом.

Пару секунд Этри изучал Эбинизера, затем взглянул на меня, едва заметно закатил глаза и кивнул.

– Полагаю, ваш визит завершен, чародей Маккой. Я велю проводить вас к парадным воротам.

– Нет, погодите, – вмешался я. – Сэр, я не хотел...

– Вне всяких сомнений, вы совершенно правы, Этри, – резко произнес Эбинизер и развернулся, чтобы уйти.

– Сэр... – попытался остановить его я.

– Мне пора, – устало сказал Эбинизер. – Дел невпроворот.

И он ушел.

Я не видел, как в саду появился Аустри. Охранник без лишнего шума последовал за стариком, и я махнул ему рукой – дескать, полегче, – а он соорудил непробиваемую физиономию, но секундой позже смягчился и сочувственно кивнул мне в ответ.

Какое-то время Этри смотрел им вслед, а затем бросил на меня непроницаемый взгляд, покачал головой и тоже удалился. Остальные свартальвы последовали его примеру.

Когда все ушли, Мэгги подбежала ко мне и обняла за пояс. Я поднял ее на руки и прижал к груди.

– Это я виновата? – спросила она дрожащим голосом. – Я собиралась... собиралась поговорить с прадедушкой, но слова как будто во рту застряли. Я не хотела, чтобы он рассердился и ушел!

В горле у меня образовался комок, и я закрыл глаза, скрывая подступившие слезы.

– Ты не виновата, солнышко. Вовсе не виновата. Ты прекрасно себя вела.

Она обхватила меня за шею – пожалуй, даже крепче, чем требовалось.

– Но почему он рассердился?

– Бывает, взрослые расходятся во мнениях, – объяснил я. – Иногда злятся, и у них непроизвольно вырываются обидные слова. Но это пройдет. Сама увидишь.

– Понятно, – сказала она.

Мыш подошел ко мне и прильнул к ноге, выражая безмолвную поддержку.

– А прадедушка приедет на Рождество? – спросила Мэгги.

– Возможно.

– Это хорошо, – сказала она. – Сердишься на меня?

– Нет. – Я чмокнул ее в макушку. – Ты же мое солнышко.

– Это тоже хорошо, – проговорила она, – но я бы поела оладий.

– Так пойдем и нажарим, – предложил я.

Мыш с надеждой застучал хвостом по моей ноге.

Но прежде чем уйти, мы какое-то время постояли втроем, находя утешение в близости друг друга.

Глава 5

– Не удивляйся, что встреча прошла скверно, – сказала Кэррин. – Ссора между родственниками... Поверь, семейные конфликты – самые паршивые.

– Семья еще не воссоединилась, а мы уже ругаемся, – пожаловался я.

– Судя по тому, что я видела, вполне себе воссоединилась, – сухим тоном заметила она.

– Как скажешь. Но прежде мне нечасто выдавался случай посориться с родней.

– А я, бывало, ссорилась. Видишь ли, родственники небезразличны друг другу. Разозлись, скажи какую-нибудь грубость, и твои слова причинят сильную боль. К тому же очень многие вещи остаются недосказанными. По-моему, это хуже всего. Все думают, что прекрасно знают друг друга, хотя на деле это не всегда так, и поэтому паузы заполняются воображаемыми фразами, которых тебе не говорили. И даже не думали говорить.

– Таково ваше профессиональное мнение, доктор Мёрфи? – хмуро спросил я.

Она фыркнула и, не ответив, сжала мою руку. Ее ладонь была маленькой, сильной и теплой. Последнее время мы частенько держались за руки.

Я приехал приготовить ей что-нибудь на обед. Кулинарные навыки у меня скромные, но терпимые, а поэтому мы до отвала наелись запеченной в духовке курицы с картошкой и свежим салатом. Кэррин было непросто передвигаться по кухне – из-за бедра, плеча и тех перевязок, что удерживали руку и ногу в более-менее неподвижном состоянии, – а от покупной еды ее уже тошнило. Еще бы, которую неделю на больничном. Вот я и приезжал раз в пару-тройку дней, чтобы приготовить ей что-нибудь вкусное, когда у детей Карпендеров появлялась возможность посидеть с Мэгги.

– Раз уж речь зашла о докторях, – продолжил я как ни в чем не бывало, – что сегодня сказал врач?

– Первый раунд операций прошел нормально, – ответила Кэррин и со вздохом прижалась щекой к моей руке.

Мы сидели на диване у нее в гостиной, а раненую ногу она положила на подаренную мной оттоманку. Кэррин совсем миниатюрная, пять футов с кепкой, хотя это вполне себе мускулистые пять футов. Волосы светлые, чисто вымытые, но растрепанные: непросто выдерживать стиль в прическе, когда приходится делать все одной рукой. И никакого макияжа.

Вид у нее был усталый. Оздоровительное безделье оказалось для Кэррин Мёрфи довольно-таки утомительным.

Эти раны она получила вместо меня. Не по моей вине – по крайней мере, в этом я себя убеждаю, – но, как ни крути, Кэррин оказалась в опасном месте по моей просьбе. Можете сколько угодно говорить о свободе воли, причинно-следственной связи и личном выборе, но факт остается фактом: не втяни я ее в свои дела, сегодня вечером Кэррин, скорее всего, была бы на тренировке по рукопашному бою.

– Второй раунд начнется на следующей неделе, – продолжила она профессиональным тоном, отстраненным и начисто лишенным любых эмоций. Этим тоном Кэррин говорила, когда была по-настоящему расстроена. – Затем каких-то три месяца в гипсе и с этими дурацкими косынками, после чего полгода физиотерапии, во время которой меня снимут с обезболивающих, а когда все это закончится, причем если пройдет наилучшим образом, врач подозревает, что я смогу ходить без палочки. Но не очень быстро.

– А как же твои тренировки? – насупился я.

– Травмы серьезные, – ответила Кэррин даже не тихо, а как-то безжизненно. – Колено, плечо, локоть. Врачи надеются вернуть пятьдесят процентов функциональности. Базовой. Не спортивной.

Я вспомнил, как она вскрикнула, когда Никодимус лягнул ее в колено. Вспомнил тот неприятный влажный хруст, с которым он, и глазом не моргнув, выдернул ее руку из сустава. Разорвал вращающую мышцу, а одновременно с ней – локтевые связки. Он сделал это преднамеренно, чтобы причинить как можно больше вреда. И боли.

– Я больше не вернусь к нормальной жизни, – прошептала она.

В прошлом Кэррин получала ранения – и всегда восстанавливалась.

Но у всего есть пределы. В конце концов, она всего лишь человек.

Мы посидели в полной тишине, если не считать размеренного тиканья старых часов.

– Скажи, нельзя ли... – начала она, и я покачал головой:

– В целительских делах магия ненамного опережает обычную медицину. Наши люди обучаются у ваших. Разве что захочешь пойти на Фаустову сделку...

– Нет, – твердо ответила она.

Я кивнул. Добавить было нечего.

– Прости, – наконец пробормотал я.

– Не извиняйся. – Она легонько мотнула головой. – Я уже поплакала на эту тему. И еще поплачу. Но сейчас не хочу об этом думать. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Я задумался, о чем бы поговорить, но ничего не придумал и поэтому поцеловал ее.

– Ты, Дрезден, само красноречие, – пробормотала она мне в губы, но потом закрыла глаза и отдалась поцелую, и все остальное начало терять значение.

Целоваться проходило с умом. Примерно двадцать секунд дыхание Кэррин смешивалось с моим дыханием, а затем Зимняя мантия как с цепи сорвалась, и во мне проснулась звериная похоть. Эта чертова аура, которую пожаловала мне Мэб, позволяет совершать невероятные поступки, но в голове у меня теперь беспрестанно выются мысли о сексе и насилии, и от них просто так не отделаться. Поэтому на двадцатой секунде я задышал чаще, на тридцатой не думал ни о чем, кроме «чем можно заняться с Кэррин», а спустя минуту пришлось вспомнить, что я сильнее, чем кажется, и ослабить хватку на ее теле.

Хотя, если честно, Кэррин вела себя примерно так же. И она не имела порочной ауры фэйри, на которую можно списать все грехи.

Так что нельзя исключать, что дело не в мантии. Быть может, дело во мне самом. А это уже страшновато.

А может, дело... в нас с Кэррин.

Кстати говоря, это была очень приятная мысль.

– Хорошо, – прошептала она, глубоко зарывшись пальцами мне в волосы, – ты и впрямь гений коммуникации. Именно это мне и нужно.

– Ты увере... – начал было я.

– Господи! Умолкни уже, Гарри, – почти прорычала Кэррин, а рука ее бесстыдно скользнула мне под рубашку. – Надоело ждать. И тебе, и мне. Нам обоим.

Я согласно промычал, но мычание превратилось в рык, а затем ее губы нашли мой рот, и рык сделался приглушенным, а сердце мое забилося в бешеном ритме, свойственном потевравшим голову подросткам. И ее сердце тоже. Мы синхронно задышали быстрее, а затем я положил ладонь ей на бедро, а Кэррин издала такой призывный стон, что я напрочь лишился способности о чем-либо думать.

– Давай, – прошептала она, а за шепотом последовали разнообразные сочетания гласных и согласных звуков, а также шелест снимаемых – или, по крайней мере, меняющих положение – предметов одежды.

Кэррин могла действовать только одной рукой, поэтому я слегка ей помогал; она потирали меня – впрочем, обходясь без слов, – а чуть позже оказалось, что я стою на коленях на полу, а она распростерлась передо мной на диване, и наши бедра соприкоснулись, и я подался вперед в поисках ее губ, и...

...и почувствовал, как она вдруг оцепенела от боли, такой сильной, что у нее перехватило дыхание. То ли плечо, то ли нога – но, черт возьми, предполагалось, что Кэррин будет выздоравливать, а не заниматься... гм... акробатикой.

Ее глаза широко распахнулись. Она пару раз моргнула:

– Что?

– Я... – промямлил я, – не знаю, можно ли...

Сверкнув глазами, здоровой рукой она схватила меня за рубашку и притянула к себе:

– Гарри, я не стеклянная. И знаю, чего хочу. Умоляю, хотя бы раз в жизни закрой рот, перестань думать и порадуй девушку.

– Эм-м... – сказал я, опуская взгляд.

Кэррин сделала то же самое, заглянула мне в лицо, на мгновение закатила глаза к потолку, и, Богом клянусь, на лице у нее отразилось крушение надежд похлеще моего, а затем она сникла – я, как вы уже поняли, сник чуть раньше – и глубоко-глубоко вздохнула:

– Дрезден, это твое рыцарство временами выглядит очень мило, но прямо сейчас мне хочется двинуть тебе по шарам.

– Не могу делать тебе больно, – признался я. – Прости.

Она снова закатила глаза и притянула меня еще ближе – так, чтобы обнять рукой за шею, – в то время как я старался не налечь на нее всем телом. Кэррин поцеловала меня в висок и нежно сказала:

– Знаю, дорогой мой дурачок.

В ответ на это я аккуратно обнял ее. И в этот момент кто-то бесцеремонно постучал в дверь.

Я подскочил – в совершеннейшем дезабилье – и постарался привести в порядок свой наряд. Мёрфи заелозила по дивану, пытаясь сделать то же самое одной рукой, поскольку вторая ее не слушалась, да и от ног не было особого толку. Мы оба остановились, заметив всю нелепость этих поползновений, а затем обменялись взглядами и, нервно посмеиваясь, возобновили попытки вернуть себе благопристойный вид.

– Дверь, – хихикнула Мёрфи, натягивая на голые ноги стеганое покрывало.

Я кое-как доковылял до порога, глянул в глазок и узнал человека за дверью, а затем приоткрыл ее, но слегка, чтобы скрыть тот факт, что штаны мои опять съехали на колени.

На крыльце стояли легавые.

Их было двое, и они ждали, нацепив вежливо-нейтральные полицейские маски. Одного я узнал, несмотря на то что прошло уже много времени с тех пор, как я видел его в последний раз: приятный на вид, чуть выше среднего роста, черноволосый, с уставной военной «площадкой» и выбритыми висками, хотя к его внешности добавились густые усы, на удивление подходящие к его голубым глазам. Костюм был дороговат для его зарплаты, а под мышкой у гостя я увидел толстый желто-коричневый конверт.

– Детектив Рудольф, – поздоровался я, совладав с брюками, и продолжил тоном, обычно приберегаемым для фраз «Чтоб ты сдох!» или «Я тебе глотку вырву!»: – Не представляете, как я рад новой встрече.

– Дрезден. – На его губах мелькнула самодовольная улыбка. – Великолепно. Двух зайцев одним выстрелом. Миз¹² Мёрфи дома?

Он сделал легкое ударение на слове «миз», напоминая, что Мёрфи больше не служит в полиции, и мне захотелось врезать ему. Однако я мужественно сдержался и сообщил:

– Сейчас не самое удобное время. Она восстанавливается после ранений.

– Полученных этой зимой, – добавил Рудольф.

---

¹² Миз – нейтральное обращение к женщине, чье семейное положение неизвестно. Подчеркивает ее равноправие с мужчиной.

Я изогнул бровь. Раны Мёрфи, оставшиеся от нашей стычки с бандой кровожадных психопатов, недовольных общественными порядками, не были огнестрельными. Врачи не обязаны были сообщать о них в полицию, да и места преступления, по сути, не существовало, а значит, копы самостоятельно разнюхали, что да как. И хорошего в этом мало.

Напомню, что Мёрфи помогала мне с грабительским налетом на ад – или по меньшей мере одно из мест с таким названием. Наша цель не относилась к юрисдикции департамента полиции Чикаго, но в точку назначения мы попали через хранилище банка, и в итоге оно ошутимо пострадало. К тому же там была охрана. И полиция, окружившая банк. И копы, которых мы уронили на выходе. Мы очень старались никого не убить, но один из наших все же прикончил охранника.

В глазах закона это делало нас как минимум соучастниками убийства. Причем небезосновательно.

– Да, вот именно, – сказал ему я. – Так что проваливайте.

– Или что? – ласково спросил Рудольф.

– Или, если у вас нет ордера или резонного основания войти в этот дом, Мёрфи засудит ваш департамент так, что света белого не увидите.

– А если я буду настаивать? – улыбнулся Рудольф.

– С удовольствием бы на это посмотрел, – ответил я.

Я отнюдь не шутил. Мантия вновь заговорила со мной. «Коли не можешь снять напряжение с благоприятно настроенной дамой, – советовала она, – хотя бы выбей дурь из Рудольфа. Это будет терпимой заменой сексу».

– Не-а, – сказал второй коп сухим и даже скучающим тоном. – Вам это не понравится, сэр.

Я смерил его взглядом. Примерно пять футов шесть дюймов – во всех трех измерениях. Даже не помню, когда я последний раз видел такого крепыща. На нем был костюм, сшитый на заказ, – сомневаюсь, что людям подобных габаритов есть что выбрать в магазинах готового платья, – но из нейтрального неброского материала, чтобы сливаться с фоном делового мира. Волосы цвета «соль с перцем» коротко подстрижены, на лице – намек на бороду, и я заподозрил, что эта щетина появляется секунд через десять после бритья. Что-то в его манере держаться и взгляде, устремленном куда-то в пустоту, подсказывало, что парень знает себе цену и эта цена довольно высока.

С копами из отдела внутренних разбирательств я был знаком хуже, чем с ребятами из отдела специальных расследований или патрульными, отвечавшими за мои излюбленные районы города.

– Значит, вас назначили напарником Руди? – спросил я. – Кстати, я Гарри Дрезден.

– Детектив Брэдли, – представился он. – Сэр, миз Мёрфи следует побеседовать с нами. Это в ее непосредственных интересах.

– Или можем забрать ее в участок, – добавил Рудольф. – Меня устраивают оба варианта.

– Рудольф, – сказал я самым приятным тоном, – известно ли вам, как непросто отмыть усы от засохшей крови из разбитого носа?

– Гарри, – с укоризной позвала с дивана Кэррин, – сбавь-ка обороты. – И примирительно помахала рукой, но этот жест остался скрыт от стоявших за дверью. – Давай просто покончим с этим, ладно?

Я сердито посмотрел на полицейских:

– Сохраняю за собой право вышвырнуть...

– Гарри, – вздохнула Мёрфи.

– ...попросить вас уйти, если мне покажется, что она устала, – плавно сменил я формулировку и глянул на второго, который был постарше Рудольфа. – Договорились?

– Ах, ты... – начал Рудольф, но человек-танк положил руку ему на плечо и легонько сжал пальцы.

Рудольф мигом захлопнул варежку и бросил тяжелый взгляд на своего напарника.

– Сэр, – сказал Брэдли, – никто не станет причинять раненой даме излишних неудобств.

Мы будем кратки.

– Отлично, – проворчал я. – Входите.

Они вошли и попросили разрешения сесть. Ну и черт с ними. Я же садиться не стал. Обогнул диван и встал за спиной у Кэррин, прислонившись к стене и сложив руки на груди.

– Мёрфи, – сказал Рудольф.

Кэррин настороженно кивнула ему. Я неплохо ее знаю, а поэтому увидел в этом кивке уважение, а то и симпатию.

– Брэдли. Выкладывай, Рудольф. Зачем пришли?

Рудольф открыл желто-коричневый конверт и бросил на журнальный столик несколько цветных фотографий. Я поднял их и передал Кэррин, не сводя глаз с полицейских.

Пока она просматривала снимки, я чувствовал, как в ней растет напряжение. Наконец Кэррин протянула фотографии мне.

Первая – распечатка кадра с видеокамеры на чикагской улице. Точного места я не узнал, зато рассмотрел нечеткое лицо Мёрфи в ее маленьком внедорожнике, мчавшемся по усыпанной снегом улице.

На других листках – кадры с банковских камер наружного и внутреннего наблюдения. Из-за скверной погоды и переизбытка магии в воздухе все снимки получились искаженными и размытыми, но на одном я увидел две фигуры, выходящие из банка. Одна среднего роста, другая очень высокая.

Другими словами, я смотрел на себя и наемника по фамилии Грей. На снимке, сделанном со значительного расстояния, был запечатлен момент нашей эвакуации. Наверное, маскировка на секунду исчезла, а может быть, камера поймала момент, когда защитная вуаль еще не настолько загустела, чтобы скрыть нас от любопытных глаз. В любом случае на размытом фото не было видно лиц: только общие очертания. Однако грабителей банков баскетбольного роста не так уж много – ни в Чикаго, ни где-либо еще. Остальные распечатки были такими же мутными, если не хуже, но на каждой я видел узнаваемый силуэт высокого парня. Лица не было нигде, кроме последнего снимка: там я бежал по тротуару, и любой, у кого есть глаза, – а у присяжных они, как правило, имеются, – сказал бы, что человек на фотографии – это я.

– Этот твой снимок, – заявил Рудольф, глядя на Кэррин, – сделан в тот же день, когда тебя угораздило пораниться. Чертовски странное совпадение.

– Почему это? – спокойно спросила она. – Любой, кто живет в Чикаго, каждый божий день попадает на камеру. Причем пару-тройку раз.

– Но не каждый превышает скорость в такую опасную погоду, – возразил Рудольф.

– С каких это пор чикагский ОВР занимается дорожными нарушениями? – осведомилась Кэррин. – С тех самых, как вы побороли коррупцию?

– Превышение скорости на центральном проспекте во время бурана и гололеда, – объяснил Брэдли. – Неподалеку от места, где в это же время происходило ограбление.

– Я торопилась домой к началу сериала, – холодно произнесла Кэррин.

– Так, что разбила машину?

– Юным свойственна неосмотрительность. – Кэррин указала на гипс. – Врач в курсе дела.

– Мы беседовали с ним, – кивнул Брэдли. – Говорит, никогда не видел, чтобы такие травмы появлялись в результате аварии. Слишком чистые. Врач склоняется к выводу, что они причинены насильственным путем.

– Он ошибается, – сказала Кэррин. – И нарушает АМПМС¹³.

---

¹³ АМПМС – Акт о мобильности и подотчетности медицинского страхования.

– Ваш известный сообщник... – продолжил Брэдли, будто не услышав ее реплики. – Он тоже попал на камеры.

– У нас имеется прекрасное ваше фото, Дрезден, – подхватил Рудольф. – На тротуаре у здания, где на следующий день мы обнаружили труп. – Он выудил из кармана блокнотик и зачитал: – Некого Харви Моррисона, дипломированного бухгалтера.

В ответ на это Кэррин скроила полицейскую гримасу; я же удовольствовался чародейской, но дело было плохо. Желудок перевернулся вверх тормашками. Несмотря на мои попытки спасти Харви Моррисона, он погиб, причем самым скверным образом, а когда речь заходит о трупах мужчин или женщин, принявших насильственную смерть, – особенно если убитый был честным человеком, никак не связанным с преступным миром, – копы непременно делают стойку.

Не суметь спасти человека и убить его своими руками – несколько разные вещи, но, если смотреть со стороны, одно практически неотличимо от другого.

– Моррисон регулярно пользовался услугами трастового банка «Верити», – продолжил Брэдли. – Того, который ограбили днем позже. Во время ограбления было вскрыто персональное хранилище Моррисона. Этому сопутствовали несколько взрывов и множество выстрелов из огнестрельного оружия. – Он кивнул на распечатки. – На снимках мы видим подозреваемого. Предположительно, одного из грабителей. Его рост – от шести футов восьми дюймов до шести футов одиннадцати дюймов. – Он бросил на меня любезный взгляд. – Шесть... и девять? Верно, Дрезден?

– По утрам я прилежно съедал целую тарелку овсянки, чтобы быстрее расти, – скромно сказал я.

– Остряк, – прошипел Рудольф. – Давай хохми себе дальше. Мы тебя крепко держим за задницу.

– «Хохми себе дальше»? – Глядя на Брэдли, я покачал головой и ткнул большим пальцем в сторону Рудольфа. – Да как он смеет!

– Нельзя исключать, что он прав, – спокойно произнес Брэдли и перевел взгляд на Кэррин. – Мы умеем докапываться до истины.

– Да, умеете, – признала Кэррин.

Брэдли кивнул:

– Ваша семья, Мёрфи, неплохо послужила нашему городу. Вам обоим будет полезно поговорить с нами. Пока мы не раскопали что-нибудь еще.

Мы с Кэррин даже не переглянулись. Сверяться по этому вопросу не было нужды. Подобно большинству смертных, копы не особо разбираются в сверхъестественных делах. Заведи мы речь об ограблении под руководством одержимых демонами маньяков, которым по две тысячи лет от роду, с участием меня и Кэррин, оборотня-перевертыша, снежного человека, одного-в-поле-воина и специалиста по магии огня, Брэдли с Рудольфом ответили бы непонимающими взглядами, пришли бы к выводу, что мы хотим сослаться на невменяемость, и взяли бы нас под стражу.

Даже не верится, что люди способны игнорировать самые очевидные вещи. Проклятье! Рудольф своими глазами видел, как луп-гару¹⁴ сровнял с землей полицейский участок, но все равно отказывался это признать.

– Понятия не имею, о чем нам говорить, – произнесла Кэррин. – На этой фотографии я пытаюсь добраться домой во время бурана. И ничего не знаю насчет упомянутого вами бухгалтера.

---

¹⁴ *Луп-гару* – разновидность оборотня, персонаж луизианского фольклора.

– А я вообще ничего не знаю, – добавил я. – Разве что в Чикаголенде¹⁵ проживает плюс-минус тысяча человек ростом от шести футов восьми дюймов и выше. И на этих снимках может быть любой из них. Надеюсь, у вас достаточно большая комната для опознания.

– А вот эта фотография? – вежливо спросил Брэдли. – С вашим лицом?

– По-моему, я торопился на поезд, – заявил я, делая ставку на простодушие.

Но Брэдли на это не повелся. Он внимательно посмотрел на меня, на Кэррин, кивнул и выдохнул:

– На поезд? Ну-ну...

– Что ж, мы хотели как лучше, – вскочил на ноги Рудольф.

Брэдли смерил его твердым взглядом, тоже встал и негромко сказал:

– Подождите за дверью. Я скоро выйду.

– Кто я тебе, младший напарник? – злобно возразил Рудольф. – Черта с два! Я вышестоящее должностное лицо!

– Да, сэр, – согласился Брэдли. – И я скоро выйду.

Рудольф с отвращением посмотрел на него, перевел взгляд на меня, а затем ткнул в мою сторону указательным пальцем:

– Жду не дождусь того момента, когда увижу вас за решеткой, Дрезден.

– Угу. Ждите дальше, – отозвался я.

Рудольф ухмыльнулся – сперва мне, затем Кэррин.

Она ответила пристальным взглядом. А взгляд у нее тяжелый. Ухмылка Рудольфа померкла, и он, не сказав больше ни слова, очистил помещение.

– Засранец, – вздохнула Кэррин, как только закрылась дверь. И, взглянув на Брэдли, спросила: – Вы с ним в паре? Серьезно?

– Работа есть работа. – Брэдли повел массивными плечами. Это движение походило на тектонический сдвиг. – Кто-то должен ее делать.

– Ну да, – тихо согласилась Кэррин.

– Псов спустили с цепи, – продолжил Брэдли. – И скоро они возьмут след. Вы с Дрезденом давно уже ходите по краю, но на сей раз заступили за черту.

– Не понимаю, о чем ты, – сказала Кэррин.

– Все ты понимаешь. – Брэдли провел ладонью по коротко стриженной голове. – Ладно. Раз вы так хотите, разыграем все по правилам. До конца.

– Просто делай свою работу, – посоветовала Кэррин. – Как всегда.

– Договорились. – Брэдли покачал головой. – Рудольф перешел на личности. Это неэтично. Извини.

– Я и не ждала, что он будет вести себя прилично. Ты не виноват.

– Кстати, – встрял я, – почему этим делом занимается отдел внутренних разбирательств? Почему не убойный?

– Наверное, потому, что Мёрфи была одной из нас, – пожал плечами он. – Да и вы тоже. В каком-то смысле.

Какое-то время Кэррин пристально смотрела на него. Затем сказала:

– Спасибо, что заглянул, Брэдли.

– Угу, – вежливо кивнул он. – Благодарю, что уделили время. И желаю вам скорейшего выздоровления, миз Мёрфи.

После чего он тоже вышел и аккуратно прикрыл дверь, словно боялся ненароком расщепить ее надвое. Может, за ним такое водилось.

Я же глубоко вздохнул и подошел к двери, чтобы убедиться, что копы ушли. Затем оглянулся на Кэррин, кивнул и спросил:

¹⁵ Чикаголенд – городская агломерация на Среднем Западе США.

- Что ты от него узнала? Я так и не понял.
- «Наверное, потому, что Мёрфи была одной из нас», – повторила она слова Брэдли. – Но слова «наверное» для него не существует. Он и впрямь не знает, почему дело ведет ОВР. Я почесал переносицу.
- Значит, кто-то за кулисами дергает за ниточки. Дело передали одному из своих. Рудольфу.
- А Рудольф принадлежит Марконе. – Кэррин поджала губы. – По крайней мере, мы пришли к такому выводу.
- А кому еще он может принадлежать? – хмыкнул я. – Кто еще пользуется у нас в городе таким влиянием?
- Вопрос к одному из присутствующих, – покачала головой она, – но точно не ко мне.
- Ха, – произнес я. – Есть еще несколько вещей, которые следует учесть. Итак, чего нам ожидать?
- Брэдли как оголодавший пес, который дорвался до кости, – объяснила Кэррин. – Если взял след, с пути уже не свернет. И он не замечает мусор под ковер. Не играет по общим правилам.
- Неудивительно, что в таком возрасте он до сих пор подчиняется Рудольфу, – согласился я. – К счастью, на нашей стороне имеется одна мелочь под названием «факты». Мы не убивали ни Харви, ни того парня в банке.
- Мы были там, а затем солгали полиции, – фыркнула Кэррин. – Этого уже достаточно, чтобы закрыть нас на какое-то время. Плюс наша ДНК на месте преступления, потенциальные свидетели, видевшие нас на улице, новые фотографии с каких-нибудь камер, или...
- Или кто-то подбросит дополнительные улики, – подсказал я.
- Кэррин кивнула:
- У них может получиться крепкое дело. И для нас оно закончится отнюдь не лучшим образом.
- Итак, каковы наши действия?
- Действия? – Она изогнула бровь. – Кто мы вообще такие – негодяи из детективного романа Брэдли? Предлагаешь сбить его со следа? Уничтожить улики? Подставить кого-то вместо себя?
- И все же, – хмыкнул я.
- Мы мало что можем сделать, – тихо сказала Кэррин. – Разве что выяснить, что происходит. У меня остались кое-какие связи. Вот и поспрашиваю.
- А я добавлю к своему списку еще один пункт: «Узнать, кто спонсирует Рудольфа».
- Она кивнула:
- Думаешь, это помешает вашему чародейскому съезду?
- Быть может, для этого все и задумано. – Какое-то время я обдумывал свою последнюю фразу, а затем добавил: – Когда уйду, звони Баттерсу.
- Кэррин покосилась на меня, приподняв бровь.
- Судя по всем признакам, надвигается акулий торнадо¹⁶, – объяснил я. – Пусть Баттерс оповестит об этом всех. Я имею в виду всех в Паранете.
- «Об этом»? О чем конкретно?
- О том, чтобы смотрели в оба. Немедленно сообщали, если заметят что-нибудь подозрительное. И были готовы. Кто-то стряпает серьезное варево, и я уже чую его запах.
- Кэррин кивнула, и ее взгляд скользнул на старинные часы у стены.
- У тебя в запасе еще есть немного времени, – сообщила она.
- Да ну?

---

¹⁶ *Акулий торнадо* – фраза относится к серии комедийных фильмов режиссера Энтони Ферранте «Акулий торнадо».

Она снова кивнула. Взгляд ее голубых глаз был совершенно однозначным.

– Иди сюда.

– Гм... – Я приподнял бровь. – Вообще-то, в этом плане ничего не изменилось. Даже не знаю, стоит ли...

– Адаптируйся и преодолевай¹⁷, Гарри. – Эти слова сопровождались озорным смешком. – Я неглупый человек. А у тебя как минимум приличное воображение. Если объединить усилия, что-нибудь да придумаем. – Она прищурилась. – Быстро. Иди. Сюда.

Отказывать даме было бы крайне невежливо.

Поэтому я послушался.

---

¹⁷ «Импровизируй, адаптируйся, преодолевай» – неофициальный девиз Корпуса морской пехоты США.

Глава 6

По пути к машине я, наверное, лучился самодовольством.

Но приходящая няня сидела с Мэгги с самого утра, и задержаться было бы весьма приятно, но, увы, невозможно, так что в скором времени мне предстояло войти в образ ответственного папаши.

Насвистывая, я уселся в «мюнстер-мобиль»¹⁸, повернул ключ зажигания, и двигатель с ревом ожил. Этот древний катафалк из сороковых годов прошлого века, раскрашенный всеми оттенками темно-синего и фиолетового, с языками пламени на капоте и передних крыльях, выглядит не очень-то скромно. Вернее сказать, он прямо-таки бросается в глаза. Но я тоже парень не из скромных и тоже бросаюсь в глаза, а посему такая машина подходит мне как нельзя лучше.

Вслушиваясь в рокот мотора, я положил руку на спинку переднего сиденья и обернулся, чтобы сдать назад с подъездной дорожки Кэррин, и тут со мной едва не приключился сердечный приступ.

На заднем сиденье расположились два монстра.

Я отдался во власть рефлексов: вздрогнул, изогнулся в пояс, вскинул левую руку – ту, на которой ношу самодельный защитный браслет, – и издал нечленораздельный возглас, когда моя воля соприкоснулась с медным обручем, испустившим облачко желто-зеленых искр. Между мной и опасностью появился защитный барьер. Пальцы правой руки я скрючил в подобие птичьей лапы, и в этой клетке возникла энергетическая сфера того же желто-зеленого цвета. Она шипела и плевалась злобным жаром.

Мерцающий свет дрожал и вспыхивал с маниакальной неравномерностью, но у меня появился шанс оценить угрозу.

Монстры не шевелились. И были прекрасны на вид.

Слева сидела женщина, сияющая девичьей красотой, достигшей умопомрачительного осеннего расцвета. Волосы чернее могилы гробовщика, в серебристо-серых глазах отражаются золотисто-зелеными искрами вспышки подготовленных мною чар; зубы белые и безупречно ровные, а улыбка такая лучезарная, что ослепнуть можно. Облаченная в белый брючный костюм, женщина сидела, царственно скрестив ноги и сложив руки на коленях.

– Новые цвета, – заметила она бархатно-гладким и безмятежным голосом. – Прежде щит был синим. Что изменилось?

– Он заключил союз с могущественным хранителем, – объяснил второй монстр. Женщина, сидевшая рядом с первой, была жилистой, как арматурный прут, только жестче и холоднее, а зеленые с молочным отливом глаза выглядели крупноватыми для чистокровного человека. Серебристо-белые волосы ниспадают на плечи, покрытые сегодня тонким шелковым платком, голос невозмутимый и очень отчетливый, а голубому как лед платью самое место на показе мод. – Это не мешает ему выполнять свои обязанности.

Я смотрел то на одну, то на другую. Сердцебиение возвращалось к привычному размеренному ритму, а до сознания начало доходить, что нападать на меня, по всей видимости, не собираются.

Хотя это не значит, что я в безопасности.

Я молча досчитал до пяти, сделал глубокий вдох и решил, что буду вести себя спокойно и осторожно. А еще вежливо.

– Лара Рейт, – обратился я к первому монстру, сопроводив эти слова легким кивком, после чего повернулся ко второму и кивнул чуть заметнее. – Королева Мэб.

¹⁸ «Мюнстер-мобиль» – машина из американского ситкома «Мюнстеры» о семье монстров (1964–1966).

– Как приятно снова видеть тебя, Гарри. – Лара заправила черный локон за ухо, и ее хищная улыбка сделалась еще шире. – Обожаю твою прическу. Ты невероятно похож на волка. С каких это пор?

– С той заварухи на острове, – ответил я. – Как дела у Королевы вампиров?

– Идут в гору. – Она широко раскрыла глаза, и в них промелькнула смешинка. – Иной раз кажется, что я прямо-таки взорвусь от невероятных возможностей, которые открываются изо дня в день.

– Главное, чтобы это не случилось у меня в машине, – заметил я. – Здравствуйте, Мэб.

Второй монстр пару секунд молча смотрел на меня. Мэб – чрезвычайно уважаемая и совершенно безнравственная фэйри, Королева Воздуха и Тьмы, и у ее терпимости к свойственному мне разгильдяйству имеются свои пределы. Такие пределы, что на черепе у меня осталась маленькая шишка – с тех самых пор, как Мэб приложила меня башкой о внутреннюю поверхность лифта. Она посмотрела на меня тем взглядом, которым кошка смотрит на любое существо, в достаточной мере маленькое, чтобы согнуться в пищу, и сказала:

– Вообще-то, это моя машина.

– Ах да, – согласился я. – Точно. Хотя... Это служебный автомобиль. Он принадлежит компании.

– А миз Рейт имеет полное право взорваться там, где сочтет нужным, – продолжила Мэб, словно не услышав моих слов. – Здесь или где-то еще.

– Гм, – сказал я. – Думаю, она выразилась метафоричес...

– В особенности при столь шокирующей демонстрации дурного тона, которую ты устроил нам в данный момент. – Она пристально взглянула мне на руки, а затем снова уставилась в глаза. – Скажи, мой Рыцарь, ты и впрямь намерен атаковать меня и мою гостью?

Я с дрожью вспомнил, что между нами по-прежнему мерцает и переливается мой щит, а в руке пульсирует сгусток света, готовый для атакующего удара. Я ослабил волю, и заклинания понемногу исчезли, оставив после себя мелкую морось искр неприкаянной энергии, сочившуюся из моего браслета отблесками походного костра.

– О, и правда, – сказал я. – Это... Прошу прощения.

– Как жаль, что у моего Рыцаря такие... неодолимые трудности с самообладанием, – повернулась к Ларе Мэб. – Надеюсь, что его выходка не омрачит нашу встречу.

– Напротив, – ответила Лара, – я нахожу его поведение весьма очаровательным.

– Такие речи ни в коей мере не усиливают благоприятного мнения, что сложилось у меня о вас, миз Рейт. – Лицо Мэб оставалось совершенно непроницаемым. – Мой Рыцарь не нуждается в потворстве.

– Эй! – возразил я.

В уголках глаз Лары появились морщинки.

– Представьте на моем месте кого-то, кто знакомится с совершенно новой едой. – Она взглянула на меня, и ее зрачки посветлели на несколько полутонов. – Невероятно редкой и очень питательной.

На мгновение Мэб задумалась. А затем улыбнулась. Своей страшной улыбкой. Точнее сказать, почти все поступки Мэб так или иначе страшноваты, но ее улыбка лишает меня присутствия духа.

– Главное, не забывайте, что мой Рыцарь – подданный моего дома. Не пытайтесь съесть мою овсянку, миз Рейт. Вы не узнаете, какова она на вкус, холодная она или горячая, поскольку – в отличие от Златовласки – вас сожрут медведи. Я понятно выражаюсь?

– Вполне, – вежливо кивнула ей Лара, но задержалась на мне взглядом. – Вы уверены, что моя просьба не причинит вам непомерных неудобств?

– Подобная служба – неотъемлемая часть его обязанностей, – ответила Мэб. – При условии, что вы считаете его кандидатуру приемлемой.

– Приемлемой? – Лара опять взглянула на меня. – О да!

Мне не слишком нравился ход беседы, поэтому я откашлялся:

– Дамы. Я сижу рядом с вами. И все слышу.

– В таком случае тебе не составит труда понять, что от тебя требуется, – сказала Мэб. – Зимний двор задолжал миз Рейт три желания.

– Три? – выпалил я. – Ради одного-единственного желания мне пришлось биться за свою жизнь в Арктис-Торе и выяснять отношения со старейшиной фобофагов!

Взгляд Мэб устремился на меня.

– И ты обрел соответствующую награду за свои деяния.

– Я получил пончик!

– Вряд ли меня должно заботить, что ты растратил желание самым легкомысленным образом, – отрезала Мэб.

– Какого черта? – нахмурился я. – Чем она заслужила целых три желания?

– Поработала головой, – объяснила Мэб. – В отличие от некоторых.

– Эй! – снова воскликнул я.

– Миз Рейт намерена востребовать то, что ей причитается, – продолжила Мэб. – Одно желание я уже согласилась исполнить, а ответственность за остальные два препоручаю тебе.

Я оторопело прищурился:

– Препоручаете... В каком смысле?

Мэб недовольно опустила и подняла веки. Мне показалось, что еще немного, и она закатит глаза.

– Два желания. Во время грядущих переговоров миз Рейт имеет право на две услуги. И ты сделаешь все, о чем она попросит, со всей душой, всем благоразумием, прилагая все усилия... которые ты способен приложить. В этом ты меня не подведешь.

– Тут такое дело... – начал я. – Я уже вроде как занят. И вам это известно. Я буду охранять делегацию Совета и обеспечивать связь между старейшинами и фэйри.

– Мои время и внимание несравнимо ценнее твоих, – возразила Мэб, – и теперь у тебя добавилось работы. Перестань ныть, воздержись от праздного времяпрепровождения и сделай что должен.

– Два желания, – заключил я.

– Не больше и не меньше, – подтвердила Мэб.

– И вы ожидаете, что я исполню... любую ее просьбу?

– Я ожидаю, что миз Рейт проявит уважение к Зимнему двору и доступным нам средствам, – сказала Мэб. – А еще я ожидаю, что она не станет требовать от тебя того, чего не потребовала бы от меня. В рамках этих ограничений – да, ты исполнишь любую ее просьбу.

Я фыркнул и спросил:

– Что, если она попросит что-нибудь украсть?

– Надеюсь, ты положишь эту вещь к ее ногам.

– Что, если попросит сжечь здание?

– Надеюсь, оно превратится в гору мельчайшего пепла.

– Что, если она велит кого-то убить?

– Надеюсь, что от бездыханного тела ты избавишься самым надлежащим образом. – Мэб подалась вперед и слегка прищурилась. – Оправдай эти надежды, или бросишь позорную тень на мое имя, трон и весь Зимний двор. – Она понизила голос до шепота: – Настоятельно рекомендую задуматься о последствиях.

Я не стал смотреть ей в глаза. Я видел, как Мэб обходится с теми, кто всего лишь прогневил ее, – не говоря уже о том, чтобы выставить королеву в дурном свете. Мой предшественник молил о смерти. Поступая на эту службу, он был монстром, но Мэб низвела его до уровня ничтожной клеточной массы, прежде чем позволила ему умереть.

То же самое будет и со мной. Королеве только повод дай.

Нет.

Со мной она обойдется хуже. Гораздо хуже.

Я покосился на Лару, чье лицо, в отличие от кошачьей физиономии Мэб, было почти человеческим, но оттого не менее непроницаемым. Действующая королева Белой Коллегии вампиров, Лара была записным монстром – хитрая, целеустремленная и опасная как сам черт. Ходили слухи, что она прикарманила американских политиков от одного побережья до другого и теперь ее амбиции простирались дальше прежнего. Она запросто может потребовать от меня чего-нибудь уму непостижимого и напрочь выходящего за пределы понятия «совесть».

Но вдобавок Лара чертовски умна. Она не может не знать, что у меня имеются свои принципы, не изменившиеся после заключения пакта с Мэб, и, если Лара потребует от меня чего-нибудь вопиюще бессовестного, я непременно скажу, куда она может засунуть это свое требование.

И разумеется, погибну. С гарантией. Окончательно и бесповоротно.

Я снова посмотрел на Мэб. Ее неподвижное лицо было высечено из гранита.

По Неписаному договору – своеобразной Женевской конвенции сверхъестественного мира – Лара является царственной особой. Если я отвечу отрицательно, что означало бы бросить вызов Мэб, да еще в присутствии Лары, то, вне всяких сомнений, я повторю участь Прометея. И это в лучшем случае. Но утвердительный ответ может повлечь за собой неприятности еще более серьезного свойства. Если говорить об услугах, оказываемых в рамках сделки с фэйри, одно можно сказать наверняка: простыми они не бывают. Вообще никогда.

Короче говоря, вариантов у меня было два, и оба паршивые. Эка невидаль.

– Ладно, – сказал я. – Как хотите.

– Великолепно, – отозвалась Мэб. – Миз Рейт?

– Приемлемо, – кивнула Лара.

Все это время взгляд ее больших ясных глаз был устремлен на мое лицо.

– Итак, наши дела завершены, – провозгласила Мэб. – До поры до времени.

Вдруг налетел порыв ледяного ветра, такой неуместный летним вечером, что окна машины покрылись мутной пленкой конденсата, а мне пришлось заслонить глаза рукой и проморгаться.

Когда вернулось зрение, Мэб и Лары на заднем сиденье уже не было, и я сидел в «мюнстер-мобиле» один-одинешенек.

– Истеричка, – пробормотал я и стал открывать окна.

Несколькими минутами позже лобовое стекло очистилось, и я отправился домой, по пути бурча проклятия в адрес королев фэйри, по природе своей не имеющих ни стыда ни совести.

В паре кварталов от места назначения я услышал звук сирен и, обуреваемый тревогой, наступил на педаль газа, стремясь как можно быстрее добраться к посольству свартальвов.

Когда я заметил в небе пелену дыма, тревога усилилась необычайно, а затем сменилась полноценной паникой, едва я увидел на территории посольства пожарные машины.

Здание было объято огнем, и языки пламени вырывались из него футов на сорок в высоту.

Посольство горело – и в нем находилась моя дочь.

Глава 7

Я бросил машину в квартале от посольства, а остаток пути проделал бегом. Очень не хотелось, чтобы меня остановил исполненный благих намерений специалист оперативного реагирования, поэтому я мчался под вуалью. А так как я не видел ни малейших причин медлить дольше нужного, то бежал с поистине олимпийской скоростью. Пожалуй, мне удалось бы совсем не привлечь внимания, если бы я не смял по пути капот крайней полицейской машины на подъездной аллее. Стоявший у водительской двери коп вытаращил глаза и схватился за рацию, что вполне объяснимо, когда мимо пробегает некто похожий на низкобюджетную версию Хищника¹⁹.

Какой смысл иметь под рукой источник силы и не прибегнуть к его помощи, когда в опасности находится твоя дочь? Даже если этот источник опасен для твоей души.

Именно такой подход навлек на тебя все эти неприятности – верно, Дрезден?

Заткнись уже, Дрезден.

Должно быть, свартальвы деактивировали защитные обереги по всему наружному периметру. Иначе пожарные Чикаго сюда и близко не подъехали бы. Можно представить, с какой душевной болью Аустри снимал защиту, чтобы пропустить на территорию эту ватагу простых смертных. Пробегая мимо сторожки, я никого в ней не заметил.

Из распахнутой двери здания клубами валил дым, и видимость в тридцати-сорока футах от входа оставляла желать лучшего. Две команды пожарных уже подтащили ко входу шланги и заливали помещение водой, по всей очевидности готовясь проследовать внутрь. Мне же вовсе не хотелось угодить под сокрушительный напор воды или поджариться заживо. Поэтому я миновал входную дверь и обогнул здание. Сбоку имелся пожарный выход, а с тыльной стороны – еще одна дверь для курьерской доставки.

Земля под ногами вдруг превратилась в некое подобие жидкости, и мне пришлось сбавить скорость, чтобы не упасть ничком. Свартальвы управляют с землей примерно так же, как люди с пластиком, – но, ясное дело, с помощью магии. Поэтому я немедленно сбросил вуаль, поднял руки и завопил:

– Э, э, полегче! Это я, Гарри Дрезден!

Из-под земли появилась голова свартальва без какой-либо маскировочной иллюзии. Здоровенные черные глаза дважды моргнули и уставились на меня.

– Ах вот вы кто. – С этими словами глазастое существо приподнялось над поверхностью, и я узнал этот голос. Передо мной была Эванна, сестра Этри и его заместительница. Ее волосы, светлые, шелковистые и чрезвычайно тонкие, облепили кожу. Эванна продолжала восставать из земли. Оказалось, она была одета в простое платье-рубашку того же цвета, что и волосы. – Чародей, мне велели ждать вас. Вы должны пойти со мной.

– Моя дочь, – сказал я. – Мне нужно к ней.

– Вот именно, – лаконично подтвердила Эванна и протянула мне руку.

– Пойдем сквозь землю? – скрежетнул зубами я.

– Если не возражаете, – ответила она.

– Терпеть этого не могу. Только не обижайтесь. – Я сделал глубокий вдох и вцепился ей в руку.

Я умею ходить сквозь землю. С технической точки зрения. Мы, чародеи, способны повторить почти все, на что горазды другие сверхъестественные существа. Если потрудиться, конечно. Точнее сказать, при очень-очень сильном желании я могу исполнить этот фокус.

Но откуда ему взяться, этому желанию?

¹⁹ *Хищник* – персонаж популярной фантастической медиафраншизы.

Рука Эванны утащила меня вниз, и земля вдруг превратилась в густой желатиновый пудинг. Пудинг со вкусом земли. Мы начали двигаться, и земля окутала нас самым пренеприятнейшим образом. Я чувствовал, как она вгрызается в каждый дюйм моей кожи, словно я пробираюсь через мельчайший песок, и одежда нисколько не помогла сгладить это ощущение. Что еще противнее, земля набивалась в ресницы, и я вынужден был заморгать и поднести руку к глазам, но из этого не вышло ничего хорошего.

Но хуже всего – фантомное ощущение земли во рту, в носу и першение в горле. Технически магия Эванны проталкивала наши молекулы сквозь молекулы земли, но с практической точки зрения я будто находился под неумолимым и мучительным напором пескоструйной машины, и эта попытка включала в себя близкое знакомство моих вкусовых рецепторов со всем поразительным многообразием привкусов минерального царства.

А это крайне мерзко. Кроме шуток.

Поднявшись над землей, мы оказались в одном из коридоров под главным зданием, весело горевшим где-то над нами. Предположительно. И ни за что не догадаешься, что наверху пожар. Здесь не было ни характерных для него звуков, ни дыма, ни воды, протекающей с потолка.

Я подавил желание сплюнуть, когда Эванна отпустила мою руку – и едва заметно улыбнулась, глядя на мою перекошенную физиономию.

– Знаю, что смертные находят подобные переходы неприятными. Не желаете ли чашку воды?

Я поднял брови и опустил на нее взгляд. «Опустил» – это еще мягко сказано. Эванна на шесть дюймов ниже Кэррин, хотя такая же мускулистая и крепко сбита.

– Вы взялись опекать меня?

– Разве вы нуждаетесь в опеке, чародей?

Она зашагала вперед, и я припустил следом, а по пути заметил:

– Здесь я еще не бывал.

– Мы находимся на уровень ниже гостевых апартаментов и комнат служебного персонала. На ярусе семейных покоев, – ответила Эванна, беззвучно шествуя по каменному полу. – Здесь живем мы с Этри, наши супруги, дети, а иногда – кто-то из двоюродных родственников.

– Гм... Разве не следует уходить отсюда? Вы же понимаете, наверху пожар и так далее...

– Мы приняли меры предосторожности. – Эванна повернула голову и подняла лицо, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Предосторожности?

– Когда в помещении гости вроде вас, такие меры вполне разумны. – Она говорила сухо, прозаично, сохраняя каменное лицо. – До нас доходили слухи о других сгоревших зданиях. Поэтому верхние этажи изолированы от нижних. Даже если от административных этажей не останется ничего, кроме горстки пепла, подземным уровням ничто не грозит.

Я выдохнул – резко и с облегчением.

– Ваша дочь в безопасности, – кивнула мне Эванна. – Предположительно.

– То есть как это – предположительно? – разволновался я.

– Когда начался пожар, сотрудники службы безопасности пытались войти к вам в квартиру, – ответила она. – Но Хранитель не позволил забрать вашу дочь.

– Мыш! – Вдруг мне сделалось дурно. – Неужто ваши парни...

Эванна ответила мне жестким взглядом, но тут же смягчилась, хоть и едва заметно.

– Нет. Конечно нет. Особенности характера храмовых Хранителей общеизвестны. Мы не стали бы применять силу к такому существу без самых серьезных оснований. И мы не причиняем вреда детям. Вот почему меня отправили встретить вас.

– Погодите. – Я вопросительно заломил бровь. – Вы же сказали, что не смогли ее забрать?

– Хранитель продемонстрировал непреклонную решимость, – повела узкими плечами Эванна.

Следующие несколько шагов я проделал, погружившись в глубокие размышления. Насчет Мыша она права. Мышь у нас умница. Или даже Умница, с большой буквы «У». Он с ходу определяет враждебно настроенных существ. И костями ляжет, но не даст Мэгги в обиду.

Значит, если Мышь защищал ее от свартальвов...

Как видно, с его точки зрения, они затевали что-то недоброе. Свартальвы – чрезвычайно замкнутый народ. К тому же они не люди. И не факт, что их мысли и чувства соответствуют моим ожиданиям. Я уже некоторое время жил среди свартальвов, и хотя общение с ними находил вполне комфортным, но утверждать, что я неплохо узнал этих существ, было бы откровенной глупостью.

В общем, я крепко призадумался, а Эванна тем временем рассматривала мою физиономию, и вдруг я понял, что по моей мимике она читает мои мысли. Ее же лицо оставалось совершенно пустым и лишенным любой эмоциональной окраски.

– Что здесь происходит? – осторожно спросил я.

– Это вы мне скажите, – ответила она.

Я возмутился:

– Адские погремушки, Эванна, мне-то откуда знать?! Я весь вечер провел в гостях у своей девушки и только что приехал!

Она вихрем развернулась и встала передо мной с таким видом, будто я не был двумя футами выше ее и парой сотен фунтов тяжелее.

– Стоп, – твердо произнесла она.

Я остановился.

– Повторите, – прищурилась она.

– Почему всех так поражает тот факт, что у меня есть девушка? – осведомился я.

Она ненадолго закрыла глаза – так, словно считала до трех, – и открыла их снова:

– Меня интересует не девушка, а ваша версия событий.

– Понял, – сказал я и хотел было выложить все подчистую, но в последний момент остановился.

Мне пришло в голову, что я знаком с Эванной не более чем шапочно и по стандартам свартальвов она невероятно напряжена – то есть делает все возможное, чтобы не выдать никакой информации ни лицом, ни жестами. Интересно, что она скрывает?

Я огляделся, после чего наострил чародейские способности, огляделся повнимательнее и почувствовал, что вокруг нас движется энергия, а под ногами подрагивает камень. Причем не в одном месте, а сразу в нескольких.

Эванна была не одна. Рядом находились с полдюжины охранников посольства – следили за нами, пользуясь навыками хождения сквозь землю и оставаясь под защитой каменных глыб.

Свартальвы проявили вежливость. Прислали за мной очаровательную пленительницу – но, несмотря на все их коварство, я наконец-то понял, что меня конвоируют, будто заключенного. А значит, следующие мои слова будут иметь больший вес, чем любые другие высказывания.

В подобные моменты я, как правило, стараюсь говорить правду, поскольку память у меня довольно-таки дырявая и я зачастую путаюсь в собственном вранье, которому свойственно накапливаться.

– Весь вечер я провел в гостях у моей девушки, – повторил я. – Только что приехал. И понятия не имею, что тут творится.

Эванна слушала меня с закрытыми глазами. Когда я умолк, она разомкнула веки и спокойно признала:

– Вы говорите правду.

– Неужели?! – выпалил я. – Эванна, я знаю, что я ваш гость. Но должен признать, что ваше поведение действует мне на нервы. Прошу, проводите меня к дочери!

– Вы находитесь здесь по праву гостя, – невозмутимо подтвердила она, кивнула и продолжила: – Сюда, пожалуйста.

Мы поднялись по лестнице, протопали по коридору, миновали несколько дверей и вдруг оказались на знакомой мне территории – в холле у моей квартиры. Под дверью торчали двое охранников-свартальвов. Когда мы с Эванной приблизились, они негромко разговаривали.

– ...Ничего не понимаю, – сказал один. – Замок открыт. Поэтому и дверь должна быть открыта.

– Должно быть, она зафиксирована заклинанием, – предположил другой.

– Узрите. – Первый взялся за дверную ручку и продемонстрировал, что она поворачивается без затруднений, как и положено ручке с незапертым замком.

– Следовательно, дверь надлежит выбить тараном, – сделал вывод второй.

– Вы испортите деревянную панель, – вмешался я. – Но войти все равно не получится.

Второй свартальв обернулся и хмуро посмотрел на меня.

– Вы установили дополнительные средства безопасности, не уведомив охрану?

– Как видите.

– Но это прямое нарушение корпоративных правил!

– Да ладно вам, Гедвиг, – примирительно сказал я. – Не падайте духом. Для парня, который заминировал всю лужайку магическими фугасами, вы невероятно впечатлительны.

– Вы могли поставить под угрозу безопасность всех присутствующих!

Я отрицательно помотал головой:

– Эта преграда в высшей степени пассивна. Она тянется вдоль стен всей квартиры. Вреда никакого, но, чтобы разрушить ее, понадобится пригнать сюда танк.

Кстати говоря, на возведение этого барьера у меня ушли бесконечно долгие выходные.

– Столь вопиющее проявление недоверия, – вконец помрачнел Гедвиг, – трудно не расценить как оскорбление в адрес гостеприимства свартальвов.

– Недоверия?! – вспыхнул я. – Да вы, черт возьми, шутите!.. – Я наморщил лоб и повернулся к Эванне. – Скажите, нет ли в вашем родном языке слова, обозначающего иронию?

– Мир, Гедвиг, – сказала Эванна. – Мистер Дрезден, не могли бы вы открыть дверь?

– Запросто. Главное, чтобы под рукой был нужный ключ. – С этими словами я выудил из кармана металлический ключ и повертел им перед Эванной, демонстрируя высеченный на поверхности пентакль. – Пожалуй, будет правильнее, если я войду один и побеседую с Мышем. Договорились?

– Да будет так, – кивнула Эванна.

– Миледи... – начал Гедвиг, но она предупреждающе подняла руку, и охранник тут же закрыл рот.

Я тоже кивнул и коснулся ключом дверной ручки. Скрытая в нем энергия проникла сквозь металл и достигла силового барьера, нарушив его целостность и закоротив магическое поле.

– Я мигом, – пообещал я и открыл дверь, не спуская глаз с обоих охранников.

Судя по виду, Гедвиг больше всего на свете хотел оттолкнуть меня и первым ворваться в квартиру, но держался за спиной у Эванны. Я вошел и закрыл за собой дверь.

– Папа! – воскликнула Мэгги. – Ты вернулся! Что происходит?

Моя дочь сидела на обеденном столе, держась поближе к самой его середине, а проходящая няня Хоуп Карпентер расположилась с ней рядом и покровительственно обнимала Мэгги за плечи. Вокруг стола мерно рыскал Мыш: морда к полу, нос ходит ходуном. Он поднял на меня глаза и приветственно повел ушами, после чего вернулся к патрулированию.

– Гарри, – произнесла Хоуп.

Она чрезвычайно серьезная юная дама, и пубертатный период щедро наделил ее приятными округлостями. Теперь, став за последние три-четыре месяца большим специалистом по отцовству, я по-новому осознавал тревоги Майкла насчет ситуаций, в которых может оказаться его очаровательная русоволосая дочь. Тем более что...

Звезды и камни! Тем более что Мэгги-то не намного младше Хоуп! Неужели спустя каких-то несколько лет меня станут изводить родительские тревоги вкупе с горячим желанием защитить мою красавицу от всего плохого? А ведь непременно станут. И эта мысль привела меня в ужас. Или вызвала чувство стыда. Или и то и другое.

Охохонюшки. Неужто скорбей тебе мало, Дрезден, что добавки просишь?

– Привет, Хоббит. – Эти слова я сопровождал самой ободряющей улыбкой. – Гм... А почему вы забрались на стол?

– Потому что они из-под пола лезут и хотят нас утащить! – дрожащим от страха голосом объяснила Мэгги.

В этот момент Мыш развернулся всем корпусом и вздыбил серую гриву. Футак в трех от стола каменный пол вдруг пошел рябью, и на свет начал появляться прошедший сквозь землю свартальв.

Мыш метнулся к незваному гостю, привстал на дыбы и обрушился на прибывающего визитера передними лапами, издав при этом звук такой громкости, что от него задрезжала кухонная посуда; с некоторой натяжкой этот звук можно охарактеризовать как лай, но по факту это был взрывной рык. Когда лапы вошли в контакт с пришельцем, от гривы пса разлетелись во все стороны мерцающие голубые искры, и в тот же миг комнату захлестнула волна сверхъестественной силы, вызвавшая у меня ассоциацию со вспышкой призрачной молнии. Я успел лишь заметить, что свартальв весь как-то съезжился, а затем пол вернулся к первоначальному состоянию, и Мыш возобновил прогулки вокруг стола.

– Вот так-то, – сказала Мэгги. – Хотя мы вообще ничего плохого не делали. Ату их, Мыш!

– Как долго это продолжается? – осведомился я.

– Минут д-двадцать? – Хоуп потрясла головой. – Полчаса? Мы сидели на диване, и вдруг появились эти существа. Хотели схватить нас. И схватили бы, но Мыш их разогнал.

Я непроизвольно сомкнул зубы так крепко, что они протестующе скрипнули. Затем развернулся, взял посох и скомандовал:

– Оставайтесь на месте. Молодец, мальчик, так держать. А я попробую во всем разобраться.

Мыш утвердительно фыркнул, продолжая курсировать по прежнему маршруту.

Я вернулся в холл. Должно быть, моя физиономия не слишком лучилась любезностью, поскольку Гедвиг с товарищем, едва взглянув на меня, тут же выхватили оружие и, держа пистолет в одной руке и кинжал с тонким волнистым лезвием в другой, расступились так, чтобы подобраться ко мне с флангов. Они не направили на меня пистолетов и не стали резать меня ножами, но по движениям было ясно, что в случае необходимости эти двое сдерживаться не станут.

Эванна же, сделав непроницаемо-нейтральное лицо, стояла на месте и выжидающе смотрела на меня.

– Зачем ваши сотрудники перепугали двух девочек? – Голоса я не повысил, но и гнева тоже не скрывал. – Чем они прогневали вас?

– Ничем, – ответила Эванна. – Мы лишь хотели взять их под защиту и вывести из здания через эвакуационный тоннель.

– Помнится, вы говорили, что пожар на этом уровне исключен.

– Да, говорила, – ответила Эванна.

– Я только что видел, как один из ваших пытался их схватить, – сказал я. – Остановите своих подчиненных. Сейчас же.

Глядя на меня, Эванна моргнула, затем отвернулась и рывкнула что-то в адрес Гедвига. Тот выпятил подбородок, но кивнул, убрал оружие и утонул в каменном полу.

– Ваш гнев неуместен, чародей, – сухо и отрывисто проговорила Эванна. – Вы не тот, кому причинили вред. Пролита кровь, и виновные ответят по всей строгости.

– Какого черта? Я-то тут при чем?

Какое-то время Эванна смотрела на меня своими громадными черными глазами, а затем ответила:

– Если хотите, я все покажу.

– Хочу, – заявил я. – Показывайте.

Эванна жестом велела второму охраннику опустить оружие, затем развернулась и зашагала по коридору. Для такой крохи двигалась она на удивление быстро, и я едва поспевал за ней.

– Сегодня вечером к нам в крепость проник наемный убийца, – сообщила Эванна.

– Что? – не поверил я. – У вас такая охрана, что рехнуться можно. Как такое случилось?

– Так же, как всегда случается, – ответила она. – Было совершено предательство. Убийца подобрался к деловым покоям моего брата. Последовали взрывы, положившие начало пожару. Ранены несколько охранников. Один заслонил Этри своим телом и спас его ценой собственной жизни.

Я запрокинул голову. Гнев испарился, вмиг уступив место острому чувству тревоги. Кто-то пытался прикончить главу другого государства, причем почти успешно. Этри – не последняя фигура в сверхъестественном мире. Пожалуй, он самая влиятельная персона среди известных мне свартальвов, а они, в свою очередь, искуснейшие мастера-ремесленники на всей планете. Проклятье! Я сам покупал материалы и заказывал у них магические штуковины, причем на постоянной основе. Приобретения обходились недешево, но стоили каждого пенни – даже по тем временам, когда у меня не имелось спортивного носка, набитого бриллиантами и припрятанного под матрасом на черный день.

– Не знал, – ответил я значительно тише. – Кого вы потеряли?

– Аустри, – сказала Эванна, – верой и правдой служившего нашей семье уже семьсот лет.

Это поразило меня, как удар под дых. Аустри был с причудами, но достойный парень. И очень любил своих детей.

– Адские погребушки... – выдохнул я. – Соболезную... вашей утрате.

Ответив единственным кивком, Эванна повела меня по коридору, в котором я прежде не был, пока мы не очутились в зале, представлявшем собой не что иное, как военный штаб.

Помещение было огромным, с двадцатифутовыми потолками, разбитое на обособленные секции. В одном углу щетинилась стойка со всевозможным оружием – не только древним или современным, но и таким, которое я даже опознать не мог. Напротив находился медпункт, защищенный от биологических угроз прозрачными пластиковыми занавесками, за которыми деловито сновали свартальвы в самых обычных медицинских костюмах.

Одна каталка, на которую уже не обращали внимания, стояла в стороне. На ней покоилось безмолвное тело, полностью накрытое окровавленной простыней. Аустри.

Я отвернулся, и взгляд мой упал на скромный парк транспортных средств. Среди них – несколько автомобилей, что-то вроде колесницы, драккар викингов, сделанный из материала, похожего на тускло блестящее серебро, и еще несколько штукоев, в поисках названия для которых я снова зашел в тупик. В дальнем конце зала располагался командно-контрольный пункт: множество столов, расставленных вокруг центральной рабочей зоны, а на столах светятся тонкие кристаллические листы – такими свартальвы пользуются вместо компьютерных мониторов.

Пока я изумленно таращил глаза, к нам подошел Этри в обычном костюме мужчины-свартальва, не прикидывающегося человеком, – в короткой набедренной повязке. Выгля-

дел он ужасно: на скуле набухающий синяк, на обнаженном плече ожог – судя по виду, невероятно болезненный. Его громадные черные глаза не были спокойными. О нет, в них пылала такая глубокая ярость, что еще немного, и я бы почувствовал, как содрогается земля у Этри под ногами.

Он поднял правую руку. Эванна подняла левую и коснулась его ладони.

– Милорд брат.

– Сестра, – ответил Этри и перевел взгляд на меня. – Что ты выяснила?

– Как видно, он находится в неведении относительно недавних событий.

Как ни удивительно, Этри пару секунд хмурился, а затем уточнил:

– Ты уверена?

– Вне всяких сомнений, – сказала Эванна.

– Я и впрямь в полном неведении, – подтвердил я. – Во имя всего святого! Неужели вы думаете, что я стал бы покушаться на вашу жизнь – или помогать тем, кто покушается, – пока у вас в твердыне находится моя дочь?

Этри снова взглянул на меня и что-то пробурчал. Затем один из свартальвов выкрикнул какие-то слова на родном языке, и Этри бросил взгляд за плечо – туда, где находился командный центр.

– Я должен идти. Прошу извинить меня, сестра. – Он направился к столам и добавил, не обернувшись: – С союзниками мы придерживаемся политики полной прозрачности. Покажи ему.

– Что вы хотите мне показать? – спросил я.

– Прошу сюда. – Эванна направилась к последней секции штаба. Эта секция представляла собой пятифутовые кубы, сваренные из толстых черных прутьев, чей металл остался для меня загадкой, и находившиеся за двоянной решеткой из такого же материала.

Тюремный блок.

Чтобы попасть внутрь, пришлось миновать пару дверей, закрывшихся у нас за спиной с тяжелым и каким-то обреченным лязганьем металла о металл. Все клетки были пусты – кроме одной, окруженной в высшей степени настороженными свартальвами, вооруженными до зубов: все в бронежилетах, каждый держал в руках витое приспособление из чего-то наподобие серебра, напоминавшее не рукотворный предмет, а конечность органического происхождения.

– Убийца, – произнесла Эванна без тени эмоций. – Существо, нередко выступавшее в роли вашего союзника.

И тут мое сердце рухнуло куда-то вниз.

В клетке свернулся калачиком человек с обнаженным торсом. Его сильно избили. Он дрожал от боли и, пожалуй, от шока. Вряд ли на его теле нашелся бы дюйм кожи, не покрытый синяками, порезами и засыхающей кровью. Одна его нога была... даже не знаю, как объяснить. Эта нога выглядела так, словно ее зажевало в промышленном механизме. Вывернутая под самым невероятным углом, она сохраняла форму лишь благодаря обуви, в которой находилась.

И я узнал эту обувь.

Потому что утром видел ее на берегу озера.

Убийца приподнял голову и взглянул на нас. У него недоставало зубов, а губы покрывала запекшаяся кровь. Лицо карикатурно распухшее, один глаз полностью закрыт.

Я смотрел на своего брата.

Передо мной был Томас.

Глава 8

Брат тоже смотрел на меня. Лицо его дернулось в попытке изобразить печальную и беспомощную полуулыбку, но он тут же скривился от боли, уронил голову на пол и остался лежать, содрогаясь и не в силах поднять глаза.

Довольно долго я молча переживал это потрясение, чувствуя, что на мне сосредоточено все внимание Эванны.

– Знаю, что он сюда захаживал, – проговорил я наконец.

Мой брат жил в страхе. Он боялся, что медленно убивает Жюстину, высасывая из нее жизненную силу. Поэтому временами подыскивал других добровольных партнеров. В его ситуации это, пожалуй, было самым высоконравственным поступком.

Что тут скажешь... У инкубов довольно странная жизнь.

– Если точнее, время от времени он посещал меня, – произнесла Эванна, – а также других придворных дам. Превыше всего мой народ ценит красоту.

Она подступила к решетке и продолжила, обращаясь к Томасу:

– Занимаясь любовью, это дивное создание творило произведения искусства. Ослепительно прекрасного искусства страсти. – Ее голос сделался тверже. – И впрямь ослепительного. Какая жалость.

Я понурил голову, закрыл глаза и воссоздал в памяти расположение тюремной клетки, затем весь штаб, а затем наибо́льший и не затронутый пожаром маршрут за пределы посольства свартальвов. Попытался вспомнить все, что знал о размещении охраны, поскольку не мог исключить, что в самом ближайшем будущем мне придется вступить в неравный бой. Все зависело от ответа на мой следующий вопрос.

В том-то и беда: если живешь под такой защитой, тебя ограждают от опасности, но с той же легкостью удерживают на охраняемой территории.

– Что его ждет? – спросил я.

– Правосудие, – ответила Эванна, сдобрив это слово отчетливой ноткой презрения. – Он напал через семь минут после вступления в силу официального перемирия на время переговоров. Согласно Неписаному договору, такое преступление судят по внутренним законам. Будет назначен нейтральный эмиссар. Он проведет расследование и выступит вершителем судьбы преступника.

Я сфокусировал взгляд на носках ботинок и слегка расслабился. Если вопрос будут решать по правилам договора, у меня есть некоторый запас времени. Сперва выберут эмиссара, устраивающего свартальвов и Белую Коллегию, да и расследование займет не один день. Значит, у меня нет насущной необходимости прорываться к выходу в ореоле славы – или, по крайней мере, в брызгах крови.

Не отходя от решетки, Эванна опустила на корточки лицом к Томасу:

– Аустри был моим близким другом. Будь моя воля, я заточила бы тебя в камень, оставив ровно столько воздуха, чтобы ты, Томас Рейт, прочувствовал, каково это – умирать от удушья. За то, что сотворил, ты ответишь жизнью. Или начнется война, которой мир не видел уже тысячу лет.

И она плюнула ему в лицо.

Руки мои крепко сомкнулись на тяжелом дубовом посохе, и я сделал полшага вперед.

Четверо охранников тотчас нацелили на меня свое оружие, а поскольку я ни черта не знал про эти хреновины и понятия не имел, как они воздействуют на человеческий организм, то пришел к выводу, что результат стычки может оказаться самым непрогнозируемым.

Кроме того, договор остается в силе. Пока это так, я, по сути дела, представляю собой виртуальное государство, микронацию из одного человека, но мои поступки отразятся на всем

Белом Совете – и вдобавок на Зимнем дворе. Ради всего святого! Выходит, я не одна микронация, а целых две, и речь идет вовсе не о могуществе, а исключительно о потенциальной трагедии.

Адские погремушки...

Эванна не отводила глаз от Томаса и уделяла мне так мало внимания, что я волей-неволей сообразил: она уверена, что, как только я надумаю озорничать, ее люди вычеркнут меня из уравнения. С учетом того, кто такие свартальвы – а их боялись прогневать даже скандинавские боги, – я был склонен принимать ее поведение всерьез.

– Итак, Рейт? – тихо спросила она. – Тебе есть что сказать?

Казалось, брат не заметил ни ее гнева, ни презрения, ни последнего вопроса. Он остался молчалив и недвижим, если не считать непроизвольных мышечных спазмов.

– Я была о тебе более высокого мнения, Томас, – продолжила Эванна. – Если ты имел что-то против свартальвов, мог бы прийти к нам как друг и решить вопрос миром.

Затем она встала, выпрямившись во весь рост, и чинно удалилась. Похоже, ей было все равно, пойду я за ней или нет, и я слегка испугался, что окажусь заперт в тюремном блоке, а потому решил воспользоваться возможностью и тоже направился к выходу, но тут за спиной раздался хрип:

– Га... а... йх...

Мне было больно это слышать, но я собрал волю в кулак, напустил на себя самоуверенный вид и повернулся к брату. По его щеке медленно катилась слеза, оставляя на корке запекшейся крови бледно-алый след.

– Жюшх... Зюшх...

Он не мог выговорить имени Жюстины.

– Тихо, тихо, – мягко произнес я. – Я понял. Я позабочусь о ней.

При этих словах в нем что-то надломилось, и Томас начал содрогаться от мучительных всхлипываний, издавая при этом звуки, свойственные животному, которое умирает чрезвычайно болезненной смертью.

Я зажмурился, глубоко подышал и усилием воли отогнал нахлынувшие слезы, после чего отвернулся от брата и оставил его в руках существ, причинивших ему лютую боль, а также имевших самые серьезные намерения лишить его жизни.

А какой у меня был выбор?

Мой брат – мой единственный брат – только что дал собранию старейших и самых могущественных сверхъестественных созданий на планете безусловную причину уничтожить его раз и навсегда. За какой-то час он умудрился попасть в зону самого пристального внимания крайне опасных существ и навлечь на себя столько бед, что переплюнул достижения всей моей жизни.

Просто поверьте на слово. Я не первый день на этой работе и знаю, о чем говорю.

Звезды и камни, Томас, дурак ты дурак. Что же ты наделал?

Глава 9

– Что случилось, пап? – спросила Мэгги.

Мы снова находились в квартире, и по первой просьбе дочь послушно достала из кладовки тревожный чемоданчик.

Да, я знаю, что, если учишь ребенка иметь под рукой сумку со сменной одеждой, сухим пайком, водой, аптечкой и базовыми припасами для выживания – на тот случай, если вдруг придется пуститься в бега, – можно и параноиком прослыть. С другой стороны, мало кому из детей приходится помнить, что из пола могут вылезти враги, желающие уволочь тебя под землю.

Я воспитываю дочь так, чтобы она умела выживать в обстоятельствах, в которых может оказаться из-за особенностей своего отца. И до поры до времени наилучшей стратегией выживания для нее будет постоянная готовность к бегству.

– Пока не могу объяснить. – Я метнулся к ней в комнату, схватил сумку для боулинга с деревянным черепом Бонни, а затем собрал скудный чародейский инвентарь, не забыв и про собственный тревожный чемоданчик. – Отвезем Хоббита домой, и ты сможешь пару дней пожить у Карпендеров. Как тебе такая идея?

Какое-то время Мэгги – сама серьезность – рассматривала меня ясными глазенками, а затем спросила:

– Ты в беде?

– Я в беду не попадаю, – подмигнул я ей. – Зато делаю так, чтобы в нее попадали плохие дяди и тети.

– Все пройдет отлично, малышка. – Хоуп по-сестрински обняла мою дочь за плечи. – Мне такое не впервой. Спать будешь у меня в комнате. Там есть ноутбук. Можно допоздна смотреть по «Нетфликсу» всякое интересное, пока не надоест.

Мэгги прильнула к Хоуп, но глаз от меня не отводила.

– Пап, почему свартальвы разозлились на нас?

– Они не разозлились, – сказал я. – Но кое-что их испугало, и какое-то время они будут нервничать. Хоббит, будь другом, возьми в холодильнике кусочек тунца и положи к дальней стенке переноски Мистера, чтобы его приманить. Не хочу оставлять его в одиночестве.

– Не вопрос, Гарри, – кивнула Хоуп и ушла выполнять мою просьбу.

– Они нервничают? Ты из-за этого отсылаешь меня обратно? – спросила Мэгги.

Я уже был готов к выходу, быстро и во всеоружии, поскольку мне предстояло сделать сотню дел, а возможность отоспаться в обозримом будущем казалась весьма призрачной, но за всеми этими приготовлениями я позабыл, что в некотором смысле моя дочь остается совсем маленькой девочкой. Поэтому я сделал паузу, выбросил все из головы и, опустившись перед Мэгги на колени, обнял ее. В ответ она крепко обхватила меня за шею тоненькими ручонками, а Мыш перестал разгуливать вокруг стола, подошел к нам и прижался плечом к спине Мэгги.

– Ох, солнышко, – сказал я, – никуда я тебя не отсылаю. Просто хочу, чтобы за тобой присмотрели, пока я не вернусь.

– Потому что рядом монстры?

– Похоже на то, – признал я.

– И ты воюешь с ними? – спросила она.

– Когда это необходимо, – подтвердил я. Хотя зачастую провести эту грань куда труднее, чем кажется.

– А если ты не вернешься? – Мэгги еще отчаяннее стиснула мою шею.

Будь это кино, в такой момент квазигероический папаша пообещал бы маленькой дочке, что непременно вернется, и заверил, что волноваться тут совершенно не о чем. В кино у ква-

зигероев масса дел: ведь им надо развивать сюжет, чтобы публика не заскучала и не уткнулась в телефоны.

В роли папаши я нахожусь не так уж давно, но Мэгги заслуживала большего, нежели краткая шаблонная реплика и четырехсекундные объятия, во время которых камера даст крупный план моего измученного лица.

Поэтому я отстранился от дочери и положил руки ей на плечи. Они казались тонюсенькими и очень хрупкими, хотя я прекрасно знал, что Мэгги не слабее любого ребенка ее возраста. На лице дочери застыла нерешительность, а глаза вдруг сделались огромными и карими-карими.

– Во-первых, тебе следует знать, что твой папа – крутой сукин сын, – негромко сказал я.

– Папа! – Ее глаза раскрылись шире прежнего.

– Я обязан сказать тебе правду, – продолжил я. – Я буду драться как лев, чтобы вернуться к тебе целым и невредимым. Всегда. Я силен, не сказать чтобы глуп, и у меня полно умных и могущественных союзников. А во-вторых, тебе следует знать, что я обо всем договорился и одна ты не останешься. Если со мной что-нибудь случится, Майкл и Черити уже дали согласие, что присмотрят за тобой. Мы подписали официальные бумаги и все такое. К тому же рядом с тобой будет Мыш. И тебя всегда будут любить. Повторяю, всегда.

– Гав, – негромко, но решительно подтвердил Мыш.

– И даже если я умру, – с нежностью продолжил я, – здесь останется моя частичка. Даже если ты не увидишь и не услышишь меня, я буду рядом. Смерть не разлучит нас, солнышко. Просто я буду приглядывать за тобой из соседней комнаты.

Я не шутил. В прошлом я, помимо прочего, сотрудничал с эктомантом. Если меня все-таки убьют, рядом с Мэгги останется чрезвычайно свирепая тень, охраняющая ее покой, оберегающая ее от хищных духов и стерегущая ее сновидения. А также консультант-архангел, следящий за психоэмоциональным состоянием этой тени.

Более того, если у Мэгги разовьются таланты, ведущие на сверхъестественную дорожку, там ее будут ждать учителя. Люди, которых я знаю и которым доверяю, а не психанутые Зимние фэйри. Я довел свои желания до сведения Мэб, а она считает преданность своим сеньорским обязанностям величиной куда более постоянной, чем сила земного тяготения. Случись мне погибнуть в роли ее верного приспешника, она согласилась устроить все от моего имени, а в том, что касается подобных обещаний, я доверяю Мэб как никому другому.

Всякий отец, обожающий свою доченьку, по возможности обеспечит ей наилучшую страховку.

У меня имеется такая возможность.

Мэгги покивала, а затем произнесла со всей серьезностью:

– Тебе следует знать, что иногда ты меня пугаешь. Совсем немножко. Обычные папы не говорят дочерям таких вещей.

Я хотел улыбнуться ей, но вдруг обнаружил, что в глазах все плывет и туманится.

Она прижалась ко мне и добавила:

– Я бы предпочла, чтобы ты остался здесь в нынешнем виде. И кормил меня оладьями.

– Я тоже, – сказал я и поцеловал ее в макушку.

– Смотри, чтобы тебя не убили, – предупредила Мэгги. – Сделай все, как надо, и надавай им по... по заднице.

– Когда тебе исполнится восемнадцать, – усмехнулся я, – сможешь говорить «по жопе».

Она хихикнула и кивнула, продолжая обнимать меня за шею.

– Говоришь, сделать все, как надо? У кого ты подхватила эту фразу?

– У мистера Карпендера. Он говорит, делать все, как надо, причем изо дня в день, – самое главное в жизни. А ты всегда стараешься поступать именно так.

– Ну, – сказал я, – в подобных вопросах он настоящий эксперт.

– А он говорит, что это ты эксперт. И хороший человек. Один из лучших, кого он знает. Я ничего не ответил. Не смог. Горло перехватило. Хвост Мыша колотил по моей ноге, словно пушистая бейсбольная бита.

– Гарри! – крикнула Хоуп. – Мистер уже в переноске!

Я покашлял, похлопал носом, поднялся на ноги и объявил:

– Ладно, девочки. Берите вещи и не отставайте. Начинаем переезд.

– А что потом? – спросила дочь.

Я взял ее за руку и подмигнул:

– А потом папе надо на работу.

Глава 10

Я завез девочек домой к Майклу и Черити. Не прошло и трех секунд, как Майкл вызвался присмотреть за Мэгги, пока я не разберусь с делами. С учетом того, что дом отставного Рыцаря Креста представляет собой крепость, неприступную для сверхъестественных сил, Мэгги будет здесь в большей безопасности, чем где-либо в Чикаго.

Единственный недостаток ангельского агентства безопасности Майкла заключается в том, что оно никоим образом не способно защитить как его самого, так и его семью от смертных. Потому-то Молли втайне купила дом, выставленный на продажу на другой стороне улицы – через три двери по диагонали от жилища Карпентеров, – и разместила там контингент фэйри Зимнего двора. Так что теперь любому обычному агрессору, рискнувшему напасть на дом Майкла и Черити, предстоит встретиться с боевым подразделением взбешенных и нечеловечески выносливых сидхе – в полной броне, со штурмовыми винтовками и с несметным подкреплением на подходе.

Когда речь идет о защите семьи, у нас с Молли примерно одинаковый подход.

Кстати, раз уж речь зашла о защите семьи...

Уже скоро Карлос и весь Совет узнают о том, что случилось. Я нисколько не сомневался, что они захотят встретиться и обсудить далеко идущие последствия попытки убийства Этри, совершенной Белой Коллегией в преддверии мирных переговоров. После этого мне, вне всяких сомнений, выдадут ряд поручений – а поэтому сейчас самое время поискать способ спасти моего брата.

Вот я и отправился к Жюстине.

Я довольно часто навещал брата домой, так что консьерж узнал меня, кивнул и открыл дверь. Томас и Жюстина жили в одном из фешенебельных домов в элитном районе Голд-Кост, и вид здания полностью соответствовал размеру арендной платы.

Я поднялся к квартире Томаса, постучал, и меня встретили теплой улыбкой и объятиями. От Жюстины пахло земляникой.

– Привет, Гарри.

– Жюстина, – отозвался я.

Такие сногшибательные красавицы встречаются разве что на журнальных обложках. Среднего роста, длинные волосы, ставшие серебристо-белыми примерно на сорок лет раньше обычного, огромные темные глаза, бледная кожа, да и все остальное тоже там, где мы любим. Мужская пижама из тонкого хлопка окутывала ее уютными складками, а прическа представляла собой наспех заплетенную косу со множеством выбившихся тут и там локонов.

Пока ничего не было заметно, вот только... Что ж, немало слов сказано о том сиянии, которым лучатся беременные. Ясное дело, в буквальном смысле никакого сияния нет, но женская аура зачастую усиливается благодаря присутствию нерожденного ребенка. Становится более яркой и зримой для тех, кто способен ее видеть. Я не прилагал никаких усилий, чтобы воспринять энергии, о которых идет речь, и не отношу себя к особо чувствительным парням, но даже мне были очевидны мерцающие, призрачные, эфемерные огоньки, неуловимо танцующие близ головы и плеч Жюстины.

Когда консьерж позвонил и сказал, что я поднимаюсь, она была в постели, но заспанность не помешала ей сообразить, что гонец принес дурные вести. Жюстина долгое время выживала в мире монстров, будучи гораздо умнее, чем показывала окружающим ее опасным существам. Кроме того, ей пришлось стать очень-очень наблюдательной. Бросив на меня единственный взгляд, она оцепенела и заговорила не сразу – я видел, что ей пришлось взять себя в руки, чтобы сохранить нейтральное выражение лица. Когда она все же заговорила, голос прозвучал сдержанно – так, чтобы не выдать эмоций:

– Что случилось?

Жюстина – очень добрая, благовоспитанная и ранимая женщина. Мне совсем не хотелось делать ей больно. Но рассказать о случившемся, не причинив боли, было невозможно.

Поэтому я выложил все, что знал. Короткими предложениями. Жюстина смотрела на меня, ошеломленно раскрыв глаза.

– Я... – Она сглотнула. – Лара знает?

Я выгнул бровь. Неглупый вопрос, но я не ожидал услышать его от Жюстины – вот так, сразу. Узнав, что жизнь любимого человека находится под угрозой, люди зачастую реагируют иррационально: сперва испытывают страх, провоцирующий всплеск эмоций, и лишь затем в свои права вступает логика. Томас попал в беду, и спасти его можно было несколькими способами. Политическое решение ситуации выглядело бы наиболее изящным и действенным – а в политике у Лары такой вес, которого мне никогда не достичь.

Брат частенько ссорился со старшей сестрой по каким-то разногласиям насчет авторитетных персон. Каким именно? Понятия не имею. Хотя в последнее время его отношения с Белой Коллегией – и, соответственно, с Ларой – заметно улучшились. Отчасти ее работа состоит в том, чтобы ограждать своих подданных от неурядиц на политическом уровне, и идея попросить ее о подобной защите выглядит вполне естественной.

Но еще Лара – монстр. Хищник. Пусть она весьма привлекательна, приятна в общении, вежлива и обладает изысканными манерами, но надо быть конченным идиотом, чтобы хоть на секунду забыть, кто она такая. Нельзя демонстрировать слабость хищнику. Нельзя просить его о помощи. И для испуганной девушки этих факторов должно быть достаточно, чтобы в списке возможных помощников имя Лары оказалось никак не выше второго места.

Но... Пожалуй, обратиться к Ларе – и впрямь наиболее разумная мысль. Хотя я ожидал, что Жюстина поймет это спустя несколько минут бесстрастного анализа ситуации. Как видно, ошибся. Бездумно предположил, что красавицам вроде Жюстины не свойственен острый ум и что она настолько любит Томаса, что какое-то время не сможет мыслить рационально.

Но с предположениями надо быть поосторожнее. В моей сфере деятельности они могут оказаться смертельно опасными.

– Если она еще не в курсе, то скоро все узнает, – ответил я. – Первым делом я поехал к тебе.

Жюстина коротко кивнула.

– Как он?

– Жить будет. – Я видел его и в худшем состоянии. Однажды. Но незачем терзать Жюстину подробностями. – И свартальвы строго следуют протоколу. Они не могут просто взять и убить Томаса. Действовать будут в соответствии с Неписанным договором.

– Точно? – спросила Жюстина.

– Знай ты их, такой вопрос тебе и в голову не пришел бы. Да, точно.

– Я... – Жюстина медленно выдохнула. – Совсем забыла о приличиях. Входи, пожалуйста. Садись.

– Спасибо, – сказал я и принял приглашение.

В прошлом квартира Томаса была выдержана в стиле ар-деко, щедро приправленном нержавеющей сталью. С эстетической точки зрения она выглядела великолепно, и я терпеть ее не мог. Однако благодаря длительному присутствию Жюстины в ней многое изменилось: мебель стала мягче и уютнее, а еще здесь стало больше приятного беспорядка, книжек и всяческого рукоделия, включая небольшую зону для шитья в том углу, где раньше не было ничего, кроме громоздкой и дорожной вазы.

Я устроился на краешке тахты рядом с диванчиком на две персоны, где обычно располагались Томас и Жюстина. Как правило, не поодиночке.

Жюстина села на привычное место, поджала ноги и сразу стала очень маленькой.

– Дело плохо, – сказала она. – Да?

– Дело... – Я вздохнул, тщательно подбирая нужное слово. – Дело щекотливое. Проблема не из тех, что мне по силам решить взрывами или поджогами.

– Как думаешь, она вообще решаемая? Эта проблема?

Адские погрешности. Лично я решения не видел. Недостатки свартальвов брали начало в их достоинствах: тот, кто всеми силами старается не причинять зла другим, не видит особого смысла в прощении. Томас предал их, и свартальвы не угомонятся, пока чаши весов не придут в удовлетворительное равновесие.

– Думаю, – сказал я, – пока Томас жив, нельзя опускать руки. Допускаю, что эмиссар найдет способ выйти из этого положения без новых смертей.

– По-твоему, его убьют? – Взгляд ее темных глаз был прикован к моему лицу.

– Не знаю. Нам было не до разговоров, но Томас хотел, чтобы я приехал сюда и сказал, что он любит тебя. Хотя ты и так это знаешь.

– Любит? – Она раздраженно хмыкнула и скрестила руки на груди. – Если любит, тогда зачем... – Жюстина осеклась, понурилась и задрожала. Все ее напускное спокойствие как ветром сдуло. Наконец она снова обрела голос, но теперь он был тихий и надтреснутый. – Зачем, Гарри? Почему? Я не понимаю, зачем он это сделал!

Проклятье. Я тоже ни черта не понимал. Все происходило с такой скоростью, что у меня не было времени сесть и задать себе простейшие вопросы. Например, с какого перепугу мой брат попытался убить короля свартальвов? И что там вообще произошло? Может, свартальвам лишь показалось, что Томас покушался на убийство Этри?

Что же совершил мой брат? А главное, зачем?

Сплошные вопросы, и все они требуют ответов, а возникают с такой скоростью, что, похоже, мне понадобится рулон оберточной бумаги, чтобы все записать и ничего не забыть.

Итак, приступим. Ответим на некоторые вопросы. Для начала: почему мой брат проявил агрессию по отношению к свартальвам? И если Томас намеревался убить Этри, почему тот остался жив? Кто бы что ни говорил, Томас – отличный боец. Выдающийся. Даже не счесть, сколько раз я видел, как он орудует клинком и пистолетом.

И он всегда вступал в драку с ясной головой и осознанной целью. Сражаться Томас умеет, но никогда не делает этого ради развлечения. Вот и ответ на первый вопрос.

– Что бы он ни сделал, – сказал я, – у него имелись весомые причины.

– Какие? – Голос Жюстины дрогнул.

– А черт его знает.

– Он рассказал тебе? Обо мне? О нас? – Она положила ладонь на живот.

– Угу, – признал я. – Гм... Мои поздравления.

– Но что, если он... Если он не вернется...

– Эй... – Я почувствовал себя совершенно беспомощным. – Жюстина, ну ладно тебе... Он все еще жив. И я собираюсь сделать так, чтобы он таковым и оставался.

– Да? Правда? – Она взглянула на меня. Пряди волос прилипли к мокрым от слез щекам. Боже мой...

Когда Жюстина взглянула на меня, я понял, что, пока мозг обрабатывал вводную информацию, подсознательно я уже принял решение. Снова.

Я спасу брата во что бы то ни стало. Не важно, кто встанет у меня на пути. Даже если это будут Этри, Мэб, Лара и весь Белый Совет в придачу.

Батюшки...

Усиливаются циклические ветры. Сбивается в косяк беспрецедентное множество акул. Рыщут по коридорам киностудий продюсеры с контрактами на пронумерованные сиквелы. И всему этому не видно ни конца ни края.

– Ну да, – тихо ответил я. – Правда.

– Обещаешь, Гарри? – Она подалась вперед, умоляюще глядя на меня. – Честно?

– Куда уж честнее, Жюстина, – сказал я. – Слово даю.

Тут она сломалась. Согнулась пополам, прижав руки к пока еще плоскому животику, и всхлипнула.

Я не мог сесть рядом с ней. Ведь там должен был сидеть мой брат. Поэтому опустился на колени у подлокотника и обнял Жюстину за плечи.

– Ну все, все. Я тут, рядом.

Жюстина обмякла и разрыдалась.

Глава 11

Когда она закрыла за мной дверь, я стоял в коридоре и, признаться, чувствовал себя довольно скверно.

Надо что-то предпринимать. Иначе моему брату не жить.

Жюстина совсем расклеилась. Я мало что мог с этим поделать. Разве что сидел рядом, как гигантская деревянная статуя, обнимал ее за плечи и приговаривал: «Ну все, все, я рядом».

Про квартиру в посольстве, ясное дело, пока что можно забыть. Чем бы все ни кончилось, свартальвы либо убьют Томаса, либо затаят на него злобу, и я не собирался оставлять Мэгги в одном здании с этими существами. Поэтому, даже если я переживу следующие несколько дней, придется переезжать на новое место, а это всегда воодушевляет так, что просто слов нет.

Плюс мирные переговоры с фоморами. Мелочь, но тоже приятно. А еще политические неурядицы в Белом Совете и вероятность, что меня исключат из вышеозначенной организации. Хотя лично меня это не особо тревожило. Сколько себя помню, Белый Совет по большей части играл роль занозы в пятке... хотя и прикрывал меня с самых разнообразных сторон. За долгие годы я нажил немало врагов, и одна из причин, по которым я все еще жив, – это стоящий за мной Белый Совет. Хранители вселенских тайн. Мужчины и женщины, способные дотянуться до врага в любой точке мира. Последний раз, когда кто-то из свободно ассоциированных членов Неписаного договора в открытую пытался напасть на меня, один шельмец из Белого Совета пришиб его орбитальным спутником.

Разумеется, у него были на то свои причины, но сообщение всем заинтересованным сторонам транслировалось четко и ясно: если связался с одним из нас, считай, что попер против всего Белого Совета.

Если меня исключат большинством голосов, эта эгида исчезнет. И никто не прикроет мне спину. Даже теоретически.

Никто, кроме Мэб.

При условии, что я доверю ей свой тыл. А я доверю – правда, при определенных обстоятельствах, – и охотнее, чем подавляющему большинству ныне живущих. Пусть она монстр, но Мэб держит слово и своих не бросает. Несмотря на это, я прекрасно понимал, что она ждет от меня большей готовности меняться в соответствии с ее потребностями. Мэб хочет, чтобы я стал более мрачным, холодным, злым и коварным, поскольку эти качества позволяют лучше справляться с работой Зимнего Рыцаря. Но в то же время она не может чересчур активно подталкивать меня в этом направлении, не рассердив при этом некоторых членов Совета, а объединенные Белые – не та сила, от которой можно отмахнуться. Даже Мэб это не по зубам.

Но стоит мне лишиться их покровительства... В общем, сейчас Мэб переманивает меня на темную сторону свежее испеченными печеньками. Но если исключить вероятность полноценной войны ради защиты порядочного чародея, у Императрицы Зимнего двора будут развязаны руки.

Я постоял некоторое время, размышляя. Томас явился в посольство, чтобы прикончить Этри. По личным причинам? Вряд ли. Томас был, кхе-кхе, в фаворе у свартальвов. Особенно свартальвов женского пола. Не думаю, что он хотя бы однажды разговаривал с Этри.

Может, все дело в ревности? Томас был вынужден защищаться? Или доказывать что-то ревнивому любовнику или брату?

Опять же вряд ли. Свартальвы не понимают, что такое сексуальная моногамия. Они создают пары по принципу общности, биологической или какой-либо иной, и соблюдают нерушимый кодекс чести в делах заботы о потомстве, но человеческий подход к половой жизни сбивает их с толку. Если бы за ужином я сообщил Этри, что покувыркался с его сестрой, он нашел бы эту ремарку умеренно интересной и полюбопытствовал бы, понравилось мне или нет.

А теперь скажу кое-что немного ехидное: у моего брата не самый богатый и сложный внутренний мир. Томасу нравятся – в порядке убывания – Жюстина, секс, спорт, еда и питье, и время от времени он любит подраться с кем-то из тех, кому пора надавать по шее. Сомневаюсь, что в число последних входят Этри и его люди, поскольку свартальвы не более опасны, чем какие-нибудь баптисты в обычной городской жизни. Трудно предположить, что у Томаса имелось множество причин убить Этри.

Поэтому он, быть может, и не хотел его убивать. Допустим, я страдаю манией величия, стремлюсь захватить весь мир и хочу, чтобы Томас кого-то прикончил. Как сподвигнуть его на подобный поступок?

Ответ очевиден. Когда я выходил в коридор, этот зареванный ответ одиноко сидел на диванчике для двоих.

Если кто-то угрожал Жюстине, то она как минимум под наблюдением. Но кто стал бы ей угрожать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.